

16+

И. В. ДУДКО В. А. ДУДКО

Энциклопедия наших жизней:
семейная сага.

Созидание. 1960 год

Ираида Дудко

**Энциклопедия наших жизней:
семейная сага. Созидание. 1960 год**

«Автор»

2013

Дудко И. В.

Энциклопедия наших жизней: семейная сага. Созидание. 1960 год
/ И. В. Дудко — «Автор», 2013

ISBN 978-5-532-06002-9

В 5-ю книгу "Энциклопедии наших жизней" включены воспоминания о событиях 1960 года: пробы строить семью у молодых после свадьбы; о борьбе за первенство в семье; о нежелании расстаться со свободой, которая была до свадьбы; о ревности и размолвках. О том, как братишка Борис сгорел на работе заживо от взрыва пороховой бочки; о рождении первой дочки и записках в роддом; о поступлении в МХТИ; о письмах родителей; о работе в НИХТИ (ракетостроение); о бериевских шарашках; воспоминания о таких известных учёных, как Победоносцев, Соркин, Бакаев и других, стоявших у истоков создания твёрдых порохов.

ISBN 978-5-532-06002-9

© Дудко И. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Введение	5
Глава 1	8
Часть 1	8
Часть 2	23
Часть 3	27
Часть 4	31
Часть 5	32
Часть 6	34
Часть 7	42
Часть 8	52
Часть 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Введение

Переходим к публикации второй серии книг нашей семейной саги, которую мы справедливо назвали – СОЗИДАНИЕ.

Нумерация книг ведётся в хронологическом порядке.

Первые 4 книги были опубликованы под общим названием – ИСТОКИ.

Туда вошли воспоминания о детстве и юности, кончая нашей свадьбой.

Долго думали – каким образом формировать воспоминания о жизни нашей большой семьи, охватывающих такие темы, как: быт, родители, дети, отпуска, работа и т. д. и т. п.

Записанных воспоминаний по объёму набралось книг на 50 – в среднем по 400 страниц. Конечно, это – с учётом фотографий, дневников, писем, документов и наших личных воспоминаний. Пробовали сокращать. Но перечисленные документальные свидетельства выбрасывать жалко. Ведь именно они являются неоспоримым свидетельством того, что всё о чём мы рассказываем, происходило действительно в то, давно уже прошедшее время. Пусть многое из этого повреждено немного временем, но по сути это всё уже относится к – ретро.

В поисках рационального решения размещения написанных нами воспоминаний по книгам, будучи системщиками, мы с Виктором составили следующую таблицу, в которой обозначили...

По вертикали – ТЕМЫ, ВОШЕДШИЕ В НАПИСАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ, ВОШЕДШИЕ В СЕМЕЙНУЮ САГУ – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ».

По горизонтали – СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ НАШЕЙ СЕМЬИ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В XX ВЕКЕ С ПРИВЯЗКОЙ К КОНКРЕТНЫМ ГОДАМ (с 1960 по 2000 год)

ГОДА: 1960 1961 1962 1963 и т. д.

ТЕМЫ:

1. Быт
2. Родители Виктора
3. Родители Ираиды
4. Дочь Стэлла
5. Сын Олег
6. Отпуска.
7. Работа Ираиды
8. Работа Виктора
9. Друзья
10. Другие темы...

Пробовали формировать одну книгу по принципу одной темы.

Например – «ДОЧКА СТЭЛЛА». Но рассказ о ней, начиная с её рождения – 1960 года тянет за собой и другие темы. Она ведь жила в семье, а это затрагивает и нас (её родителей), и бабушку с дедушкой и – быт семьи, и многие другие сопутствующие темы.

Поскольку события, относящиеся к дочке, случались каждый год, значит, они упоминаются в каждом последующем году и составят соответственно – 40 частей...

То же самое произойдёт с каждой темой...

Пока мы ломали голову – как быть, решение пришло само собой.

Ответ нам подсказала сама, составленная нами таблица...

Мы решили написанные нами воспоминания (биографические мемуары) сформировать в хронологическом порядке.

Одна книга включает в себя события одного года.

ГОД – НАЗВАНИЕ ОЧЕРЕДНОЙ КНИГИ.

В книге могут присутствовать одна или при необходимости – несколько **ГЛАВ**.

Сама **ГЛАВА** будет разбита на **ЧАСТИ**, название которых будет определять **ТЕМУ** наших воспоминаний.

В принципе всё равно невозможно охватить необъятное. Поэтому в нашем варианте написать отдельную книгу по какой-то одной теме не представляется возможным.

Зато воспоминания о событиях, происходивших в нашей семье в рамках каждого конкретного года, будут по возможности полными. Кроме того, не надо забывать, что мы ставили перед собой цель – рассказать не только о нашей семье. Мы же жили не в вакууме, а в советской стране, где жили сотни тысяч семей подобных нашей. Поэтому, глядя сквозь призму событий, случившихся с нами, можно увидеть **АУРУ** советской действительности, характеристику особенностей тех времён, а это с точки зрения истории, может представлять определённый интерес для любителей публицистики...

Хотелось затронуть – другую проблему, возникшую перед нами.

Кроме серии многих книг, вошедших в семейную сагу – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ», нами продолжается работа по созданию другой, не менее интересной темы – «**РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО НАШЕЙ СЕМЬИ**».

Это большая исследовательская работа, проведённая группой родственников, чьи **РОДЫ** являются составляющими **ВЕТВЯМИ** нашего общего **РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА**. С некоторыми из них мы познакомились в сетях в процессе поисков истинных данных о предках и их потомках.

А речь вот о чём. Публикация одной электронной книги занимает в среднем – один месяц. Сужу уже по небольшому собственному опыту.

Публикация трёх книг заняла как раз – почти три месяца.

Если у нас на очереди в «ЭНЦИКЛОПЕДИИ...» ещё 40 книг... Это же времени на публикацию их уйдёт три с лишним года!!!

Я не говорю уже о том, что Виктор не дожил до публикации наших книг в **ЛИТРЕС**. Он умер 25 сентября 2018 года. Мне – 84 года... Сколько отпущено ещё мне Богом светлой радости от жизни на этой земле, знает только сам **ВСЕВЫШНИЙ**.

Поэтому спешу, как могу – поделиться через электронные книги нашими воспоминаниями.

Опять я отвлеклась.

Я хотела сказать, что при такой скорости моей работы в части публикации, до серии книг – «**РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО...**» времени точно не останется.

Поэтому я приняла следующее решение. Поскольку публикацию книг по «**РОДОСЛОВНОМУ ДРЕВУ НАШЕЙ СЕМЬИ**» ожидают многие родственники, участвовавшие в их написании, я буду чередовать их выпуск.

Сейчас публикую эту книгу – «1960 год» – из «ЭНЦИКЛОПЕДИИ...»

Потом постараюсь опубликовать 1-ю книгу – «**РОД АСТРАХАНСКИХ МЕЙСТРИКОВ**» – из серии «**РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО...**»

Затем – «1961 ГОД»... и т. д. в том же духе.

Сплюнула через левое плечо. Есть поговорка – «Загад не бывает богат»... Сама себе пожелаю здоровья, чтобы хватило сил и времени...

Книга эта большая. Мы с Виктором поженились, казалось бы – потихонечку стоило бы набирать обороты в части создания молодой семьи и работы... Но судьба так круто обрушила на нас ливень самых разных событий, что до сих пор удивляюсь – как такое возможно...

А впрочем – судите сам...

Глава 1

Учимся жить и работать

Часть 1

Аура 1960 года

Перед тем, как приступить к рассказу о событиях, произошедших в нашей семье в 1960 году, мне захотелось вспомнить – а что происходило в это время вокруг нас в СССР?

Мне хочется не только самой почувствовать ауру советской страны, в которой мы тогда жили. Хочется вспомнить основные события, которые происходили в стране, интересовали нас, а порой мы и сами вовлекались в водоворот этих событий.

Затруднение в том, что хотелось бы привести здесь иллюстрации этих событий. Но медиаторы ЛИТРЕС – на страже. Они правы – чужие авторские работы мы не имеем права скачивать и помещать здесь без разрешения. А бесплатные снимки найти трудно. В наше кризисное время каждый стремится на чём – ни будь заработать, хотя бы на личных фотографиях. Значит, ограничимся только коротким текстом, а фотографии каждый при желании найдёт в интернете. Кстати их там очень много, и их не нужно покупать, можно только – посмотреть...

Так чем запомнился 1960?

Хрущев стучит ботинком по трибуне ООН и обещает показать империалистам Кузькину мать.

Да, помню этот случай. О нём много было разговоров и даже писали об этом в газетах, после чего он и стал достоянием общественных пересудов. Это случилось 12 октября 1960 года на заседании Генассамблеи ООН.

Газеты – газетами, но интересно то, что всю работало «сарафанное» радио. Варианты случившегося – разные, причём никто не знал точно – что же было на самом деле, но подробности рассказывались с деталями. В основном смысл всех рассказов сводился к одному – генсек обещал Западу Кузькину мать показать и стучал ботинком по трибуне.

В ФЕЙСБУКЕ была помещена статья, проливающая свет на эту историю...

«Обещание показать Кузькину мать и эпизод с ботинком имели место в реальности, но это были две разные истории. В 1959 г. в Сокольниках проходила Американская национальная выставка. На ее открытие приехал вице-президент США Ричард Никсон, чтобы продемонстрировать достижения капиталистического хозяйства. Наглядным примером служил макет типового коттеджа, в котором отсутствовала одна из стен, и зрители могли увидеть детали быта среднестатистического гражданина США – холодильник, телевизор, стиральную машину и другую бытовую технику и мебель. Хрущев заявил, что СССР вскоре догонит и перегонит США по уровню жизни и вообще «покажет всем Кузькину мать». Переводчик замешкался с интерпретацией «непереводимой игры слов» и в результате выбрал вариант дословного перевода. «Kuzma's mother» поставила американцев в тупик.

Во второй раз Хрущев произнес свою коронную фразу во время визита в США в том же 1959-м г. Личный переводчик генсека Виктор Суходрев так описывал этот случай: «Мы ехали по Лос-Анджелесу, Никита Сергеевич долго

смотрел на окружающую сытую жизнь, а потом вдруг снова вспомнил про Кузьму с матерью. Вновь возникла заминка с переводом, но тут на помощь пришел сам Хрущев: "Что вы, переводчики, мучаетесь? Я всего лишь хочу сказать, что мы покажем Америке то, чего она никогда не видела!"

А в следующем году состоялась та самая 15-я Ассамблея ООН. В 1960 г. 17 африканских стран получили независимость от своих метрополий, и тема колоний активно обсуждалась на заседании. Хрущев выступил по этому поводу с эмоциональной речью, в которой клеймил колонизаторов. А после генсека на трибуну вышел представитель Филиппин и заявил о том, что следует говорить не только о тех странах, которые остаются под гнетом западных колониальных держав, но и о странах Восточной Европы, «проглоченных Советским Союзом».

В ответ на эту реплику Хрущев взорвался. Он поднял руку, требуя предоставить ему слово, но этот жест то ли не заметили, то ли проигнорировали. И вот тут-то и произошел знаменитый казус. Чтобы обратить на себя внимание, он стучал по столу кулаком, но так и не добившись реакции, стал размахивать ботинком. О том, каким образом под рукой у генсека оказался его ботинок, позже рассказала одна из женщин, обслуживающих в тот день зал заседаний: «Когда Хрущеву до своего места оставалось сделать буквально шаг, кто-то из корреспондентов случайно наступил ему на пятку, башмак слетел. Я быстро подобрала башмак, завернула в салфетку и, когда Хрущев через мгновение сел на свое место, незаметно подала ему сверток под стол. Между сиденьем и столом совсем небольшое пространство. И наклониться к полу, чтобы надеть или снять обувь, плотный Хрущев не мог, мешал живот. Так он и сидел до поры до времени, вертя под столом свой башмак. Ну а когда его возмутило выступление другого делегата, он в запальчивости стал колотить по столу предметом, который случайно оказался у него в руках. Если бы он тогда держал зонтик или трость, то принялся бы стучать зонтиком или тростью».

Когда Хрущев поднялся на трибуну, никакого ботинка в руках у него уже не было. Он размахивал кулаком, но по трибуне ничем не стучал. Появившийся позже башмак у него в руке на фото в некоторых газетах – не более чем фотомонтаж. Есть только одна фотография, на которой генсек сидит на своем месте, а ботинок лежит перед ним на пюпитре. Филиппинцу Хрущев предложил «взять заступ и поглубже похоронить империализм», а в газетах потом написали: «Разъяренный Хрущев молотит ботинком по трибуне Генеральной Ассамблеи ООН и в исступлении кричит: "Мы вас похороним!"». Так и родился миф.

Источник: <https://kulturologia.ru/blogs/121016/31753/>

Что ещё было интересного в 1960 году?

В этом году собаки Белка и Стрелка побывали в космосе и вернулись живыми. Вообще-то первой собакой в космос была запущена Лайка. Но она погибла.

В Российской газете – «НЕДЕЛЯ» № 179 (6750) был опубликован Сергеем Емельяновым текст интервью, которое дала Адилия Равгатовна Котовская – доктор медицинских наук, профессор, заведующая лабораторией Института Медико-Биологических проблем.

Само интервью большое. Перескажу отдельные моменты...

Адилия Равгатовна рассказала о Белке и Стрелке следующее...

Собачки – дворняжки, сучки. Выбирали именно сучек, так как кобели, когда писают – ногу поднимают, а собачки «девочки» – присаживаются. К ним легче приспособить ассенизационное устройство.

Белка и Стрелка соответствовали техническим требованиям полёта.

Возраст три-четыре года, вес – до 5 кг., рост в холке – до 35 см.

Дворняжки на земле привыкли к косточкам. А в космосе им пришлось отведать желе. Ванночки с космическим деликатесом крепились прямо под тем местом, где лежали собаки. По сигналу контейнеры выдвигались, а после того, как собаки всё съедали, – удалялись. И так до следующего сигнала.

На вопрос – кто давал собакам клички, Адилия Равгатовна рассказала, что был у них младший научный сотрудник – Сева Георгиевский.

Он следил за поступлением собак и сам же придумывал им клички.

Была к примеру дворняжка Маркиза, на неё посмотришь – вся такая из себя. А у Белки и Стрелки поначалу были клички – Капля и Вильна.

Но, когда пришла пора им лететь, решили, что надо переименовать их солиднее. Ведь на весь мир прославятся.

Белка и Стрелка летали 27 часов и сделали 17 оборотов вокруг земли. Это был последний запуск перед полётом человека в космос, поэтому отслеживалось буквально всё. Впервые из космоса шло телевизионное изображение.

После полёта Белку и Стрелку привезли обратно в виварий.

А потом началась их слава. Вскоре Белка родила трёх «девочек» и трёх «мальчиков», их демонстрировали по телевизору. И там был – совершенно беленький щенок по кличке – Пушок. Он очень понравился жене президента США – Жаклин Кеннеди. И ей решили подарить «сына» космонавтки. Из посольства США под покровом совершенной секретности в Институт приехала большая делегация, собирали на Пушка документы, делали прививки, а потом, чуть ли не с машинами Гаи перевезли его в американское посольство. Это было нечто! Было такое впечатление, что принцессу какую-то везут. Надеемся, что он плодовитый, как и его мама. И теперь в Америке есть наши следы...

Ещё был случай, о котором не могла не написать...

3 сентября 1951 года на геофизической ракете Р-1Б Должны были лететь Непутёвый и Рожок. Перед самым стартом непонятно каким образом Рожок куда-то исчез. Время на доставку из вивария новой собаки не было. Исследователям пришла мысль поймать около столовой подходящего по параметрам пса и отправить его, неподготовленного. Приманили дворняжку, помыли.

Генеральному конструктору Сергею Королёву решили пока не докладывать об инциденте.

Непутёвый и его новый напарник отлично перенесли полёт. После приземления, Королёв заметил подмену. А, получив объяснение, заверил, что скоро на советских ракетах будут летать все желающие.

Неожиданному космическому пассажиру дали кличку ЗИБ (Запасной исчезнувшего Бобика). Впрочем, Королёв на докладе руководству трактовал аббревиатуру, как – запасной исследователь без подготовки.

На советских геофизических ракетах (высота полёта от 100 до 500 км.) собак запускали 29 раз. Всё время парами. 15 собак погибли. Дворняжка Отважная слетала на ракете 5 раз.

На орбиту собаки летали 8 раз. Пять раз парами. 5 собак погибли.

Из других ярких событий запомнился случай, когда четверка ребят из стройбата 49 дней дрейфовала в открытом океане и стала знаменитой на весь мир.

Это интересно молодым прочесть и посмотреть фотографии этих героев.

Сначала я хотела скачать сюда текст статьи, напечатанной об этих ребятах ещё в советское время. Но потом мне попала на глаза, опубликованная в журнале – «РОДИНА» в 2015 году. Она интересна тем, что рассказывает о той истории один из её участников – Асхат Зиганшин. Всегда интересно послушать воспоминания из первых уст.

Но сначала я здесь приведу стихотворение Владимира Высоцкого —

Сорок девять дней

Владимир Высоцкий

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых – Федотов Иван.

Стихия реветь продолжала —
И Тихий шумел океан.
Зиганшин стоял у штурвала
И глаз ни на миг не смыкал.

Суровой, ужасней лишения,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решенье —
И начали есть сапоги.

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

Доедена банка консервов
И суп из картошки одной, —
Все меньше здоровья и нервов,
Все больше желанье домой.

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук,
Спокойный, но слабый Федотов
Глотал предпоследний каблук.

Лежали все четверо в лежку,
Ни лодки, ни крошки вокруг,
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

На службе он воин заправский,
И штурман заправский он тут.

Зиганшин, Крючковский, Поплавский —
Под палубой песни поют.

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный как тень,
И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

"Друзья!.." Через час: "Дорогие!.." —
"Ребята! – Еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли ломит ли нас!

Забудем про пищу – чего там! —
А вспомним про наш взвод солдат..." —
"Узнать бы, – стал бредить Федотов, —
Что у нас в части едят?"

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идет!
К биноклю все сразу приникли,
А с судна летел вертолет.

...Окончены все переплеты —
Вновь служат, – что, взял, океан?! —
Крючковский, Поплавский, Федотов,
А с ними Зиганшин Асхан!

Текст статьи Владимира Нордвика сопровождается многими фотографиями. Проблема в том, что мне не удалось связаться с автором статьи, чтобы получить от него разрешение на перепост этой статьи в данной книге. А теперь следите за моими рассуждениями. Статья, кроме журнала «РОДИНА» была опубликована во многих сетях, таких как – «В контакте» и – других. Причём, в конце везде обычно стоит – СКАЧАТЬ, ПОДЕЛИТЬСЯ С ДРУГИМИ.

Я принимаю это предложение и делюсь сейчас здесь с читателями этой статьёй.

1 апреля 2015 года / 18:15 / «Родина»

Текст Владимир Нордвик

(Стрельна – Москва)

RG.RU

Родина – № 4 (415)

ЗИГАНШИН-БУГИ, ЗИГАНШИН-РОК,

Солдат-орденоносец и кумир советского рок-н-рола Асхат Зиганшин спустя 55 лет открыл непричесанную правду о дрейфе баржи «Т-36» по Тихому океану.

ЗИГАНШИН СЪЕЛ ВТОРОЙ САПОГ!

Пятьдесят пять лет назад эта четверка была популярнее ливерпульского квартета. О парнях с Дальнего Востока писали и говорили по всему миру.

Но музыка легендарных Beatles жива и поныне, а слава Асхата Зиганшина, Анатолия Крючковского, Филиппа Поплавского и Ивана Федотова осталась в прошлом.

Их имена помнят сегодня лишь люди старшего поколения. Молодым же нужно с чистого листа рассказывать, как 17 января 1960 года баржу «Т-36» по Тихому Океану командой из четверых солдат-срочников унесло от курильского острова Итуруп в открытый океан, в эпицентр мощного циклона. Предназначенное для каботажного плавания, а не для океанских походов суденышко 49 суток болталось по воле волн, преодолев в дрейфе около полутора тысяч морских миль. На борту с самого начала почти не было еды и воды, но парни устояли, не потеряв человеческий облик.

Спустя полвека с гаком в живых остались двое участников беспримерного рейда. Зиганшин живет в Стрельне под Питером, Крючковский – в незалежном Киеве...

17 ЯНВАРЯ. ШТОРМ В ЗАЛИВЕ КАСАТКА

Естественно, фотографий не могло быть в бушующем море. Да и фотоаппаратов с собой в плавание никто, наверное – не брал.

Но позже подвиг этой четвёрки был увековечен в картинах художников и скульпторов.

– Похоже, Асхат Рахимзянович, те сорок девять дней – главное, что было в вашей жизни?

– Может, и хотел бы забыть о походе, так ведь напоминают постоянно! Хотя сейчас внимание далеко не то, что прежде. В 1960 году дня не проходило, чтобы мы где-нибудь не выступали – на заводах, в школах, институтах. Обошли почти все корабли Черноморского флота, Балтийского, Северного...

Со временем по привычке говорить со сцены, везде рассказывал примерно одно и то же, даже не задумывался. Как стишок читал.

– И мне прочтете?

– Вам могу прозой. Раньше приходилось все же немного приукрашивать, округлять детали, подпускать пафос. Действительность не так романтична и красива, в жизни все скучнее и банальнее. Пока дрейфовали, ни страха не было, ни паники. Не сомневались, что обязательно спасемся. Хотя и не думали, что проведем в океане почти два месяца. Если бы дурная мысль забрела в голову, дня не прожили бы. Прекрасно понимал это, сам не раскисал и ребятам не давал, пресекал любые пораженческие настроения.

В какой-то момент Федотов пал духом, стал срываться на крик, мол, хана, никто нас не ищет и не найдет, но я быстро менял пластинку, переводил разговор на другое, отвлекал.

В нашей команде было два украинца, русский и татарин. У каждого свой характер, манера поведения, но, поверите, до ссор ни разу не доходило. С мотористами Поплавским и Крючковским я служил второй год, Федотова знал хуже, он пришел из учебки и почти сразу попал к нам вместо загремевшего в лазарет матроса Володи Дужкина: тот наглотался угарного газа из печки-буржуйки. В начале дрейфа Федотов держал топор под подушкой. На всякий случай. Может, опасался за жизнь...

Оборудованных причалов на Итурупе отродясь не водилось. В заливе Касатка суда привязывали к рейдовым бочкам или мачте затопленного

японского корабля. Жили мы не в поселке Буревестник, где базировался наш отряд, а прямо на барже. Так было удобнее, хотя на борту особо не развернешься: в кубрике помещались лишь четыре койки, печка да переносная радиостанция РБМ.

В декабре 59-го все баржи уже вытащили тракторами на берег: начинался период сильных штормов – в заливе от них не укрыться. Да и ремонт кое-какой предстоял. Но тут пришел приказ о срочной разгрузке рефрижератора с мясом. «Т-36» вместе с «Т-97» опять спустили на воду. Наша служба и состояла в том, чтобы перебрасывать на сушу грузы со стоявших на рейде больших кораблей. Обычно на барже был запас продуктов – галеты, сахар, чай, тушенка, стуженка, мешок картошки, но мы готовились к зимовке и все перенесли в казарму. Хотя по правилам на борту полагалось держать НЗ на десять суток...

Около девяти утра шторм усилился, трос оборвался, нас понесло на скалы, но мы успели сообщить командованию, что вместе с экипажем «Т-97» попробуем укрыться на восточной стороне залива, где ветер тише. После этого рацию залило, и связь с берегом пропала. Старались держать вторую баржу в поле зрения, но в снегопад видимость упала почти до нуля. В семь вечера ветер резко переменился, и нас потащило в открытый океан. Еще часа через три мотористы доложили, что запасы топлива в дизелях на исходе. Я принял решение выброситься на берег. Шаг рискованный, но выбора не оставалось. Первая попытка оказалась неудачной: столкнулись со скалой под названием Чертова сопка. Чудом не разбились, смогли проскочить между камней, хотя пробоину получили, вода стала затопливать машинное отделение. За скалой начинался песчаный берег, на него я и направил баржу.

Мы почти дошли, уже касались днищем грунта, но тут закончилась солярка, двигатели заглохли, и нас понесло в океан.

– А если вплавь?

– Самоубийство! Вода ледяная, высокая волна, минусовая температура... И пару минут не продержались бы на поверхности. Да нам и мысль в голову не приходила о том, чтобы бросить баржу. Разве можно разбазаривать казенное имущество?!

Стать на якорь при таком ветре не получилось бы, да и глубина не позволяла. К тому же на барже все обледенело, цепи смерзлись. Словом, ничего не оставалось, как смотреть на исчезающий вдаль берег. Снег продолжал идти, но в открытом океане волна чуть снизилась, не так трепала.

Страха мы не испытывали, нет. Все силы бросили на откачку воды из машинного отделения. С помощью домкрата залатали пробоину, устранили течь. Утром, когда рассвело, первым делом проверили, что у нас с едой. Буханка хлеба, немного гороха и пшена, ведро перемазанной мазутом картошки, банка с жиром. Плюс пара пачек «Беломора» и три коробка спичек. Вот и все богатство. Пятилитровый бачок с питьевой водой разбился в шторм, пили техническую, предназначенную для охлаждения дизелей. Она была ржавая, но главное – пресная!

Сперва рассчитывали, что нас быстро найдут. Или ветер переменится, пригонит баржу к берегу. Тем не менее я сразу ввел жесткие ограничения по еде и воде. На всякий случай. И оказался прав.

27 ЯНВАРЯ. ИМЕНИННЫЙ ТОРТ

В обычных условиях командир не должен стоять на камбузе, это обязанность рядовых, но на второй или третий день Федотов стал кричать, что мы умрем с голоду, вот ребята и попросили, чтобы я взял все в свои руки, контролировал ситуацию.

– Вам доверяли больше, чем себе?

– Наверное, им так было спокойнее... Ели раз в сутки. Каждому доставалось по кружке супа, который я варил из пары картофелин и ложки жира. Еще добавлял крупу, пока не закончилась. Воду пили трижды в день – по крохотному стаканчику из набора для бритвы. Но вскоре и эту норму пришлось урезать вдвое.

На такие меры экономии я решился, случайно обнаружив в рубке обрывок газеты "Красная Звезда", где сообщалось, что в указанном районе Тихого океана Советский Союз будет проводить запуски ракет, поэтому из соображений безопасности до начала марта там запрещено появляться любым судам – гражданским и военным. К заметке прилагалась схематичная карта региона. Мы с парнями по звездам и направлению ветра прикинули и поняли, что... дрейфуем аккурат в эпицентр ракетных испытаний. А значит, была вероятность, что нас искать не станут.

– Так и получилось?

– Да, как потом оказалось. Но мы-то надеялись на лучшее, не знали, что на второй же день на берег Итурупа выбросило спасательный круг с нашей баржи и разбитый ящик из-под угля с бортовым номером «Т-36». Обломки нашли и решили, что мы погибли, налетев на скалы. Родным командование отправило телеграммы: так, мол, и так, ваши сыновья пропали без вести.

Хотя, может, никто и не думал напрягаться, организовывая масштабные поиски. Из-за несчастной баржи отменять пуск ракет? Успешные испытания для страны были гораздо важнее четверых исчезнувших солдат...

А мы продолжали дрейфовать. Мысли все время крутились вокруг еды. Я стал варить суп раз в два дня, используя одну картофелину. Правда, 27 января в свой день рождения Крючковский получил повышенный паек. Но Толя отказался в одиночку есть дополнительную порцию и пить воду. Мол, именинный торт делят между всеми гостями, поэтому угощайтесь!

Как ни пытались растянуть припасы, 23 февраля закончились последние. Такой вот праздничный обед в честь Дня Советской Армии получился...

Знаете, за все время никто не попытался стащить что-то с общего стола, урвать лишний кусок. Да это не получилось бы, если честно. Все было наперечет. Пробовали есть мыло, зубную пасту. С голодухи все сгодится! Чтобы не думать без конца о жратве и не сойти с ума, я старался загрузить ребят работой. В начале рейда недели две – день за днем! – пытались вычерпать воду из трюма. Под ним располагались цистерны с топливом, теплилась надежда: вдруг там осталась солярка и мы сможем запустить двигатели. В светлое время суток гремели ведрами, сколько было сил, в темноте открывать люк не решались, чтобы не допустить разгерметизации отсека, а за ночь забортная вода опять накапливалась – осадка-то баржи чуть выше метра. Сизифов труд! В итоге добрались до горловин цистерн, заглянули внутрь. Увы,

топлива не обнаружили, лишь тонкую пленку на поверхности. Задраили все наглухо и больше туда не совались...

7 МАРТА. ПРОТИВОСТОЯНИЕ С АМЕРИКОЙ

– Счет дням вели?

– У меня были часы с календарем. Поначалу даже катерный журнал заполнял: настроение экипажа, чем кто занимался. Потом писать стал реже, поскольку ничего нового не происходило, болтались где-то в океане, да и все. Спасли нас 7 марта, а не 8-го, как мы решили: просчитались на сутки, забыв, что год високосный и в феврале 29 дней.

Лишь на последнем отрезке дрейфа потихоньку начала отъезжать «крыша», пошли галлюцинации. Мы почти не выходили на палубу, лежали в кубрике. Сил совсем не осталось. Пытаешься подняться, и словно получаешь удар обухом по лбу, чернота в глазах. Это от физического истощения и слабости. Голоса какие-то слышали, звуки посторонние, гудки кораблей, которых в действительности не было.

Пока могли шевелиться, пробовали ловить рыбу. Точили крючки, мастерили примитивные снасти... Но океан бушевал почти без перерыва, за все время ни разу не клюнуло. Какая дура полезет на ржавый гвоздь? А мы и медузу съели бы, если бы вытащили. Правда, потом вокруг баржи стали кружить стаи акул. Метра по полтора в длину. Мы стояли и смотрели на них. А они – на нас. Может, ждали, что кто-нибудь за борт без сознания свалится?

К тому времени мы уже съели ремешок от часов, кожаный пояс от брюк, взялись за кирзовые сапоги. Разрезали голенище на кусочки, долго кипятили в океанской воде, вместо дров используя кранцы, автомобильные покрышки, прикованные цепями к бортам. Когда кирза чуть размякала, начинали жевать ее, чтобы хоть чем-то живот набить. Иногда обжаривали на сковородке с техническим маслом. Получалось что-то вроде чипсов.

– В русской народной сказке солдат кашу из топора варил, а вы, значит, из сапога?

– А куда деваться? Обнаружили кожу под клавишами гармошки, маленькие кружочки хрома. Тоже съели. Я предложил: "Давайте, ребята, считать это мясом высшего сорта..."

Поразительно, но даже расстройством желудка не маялись. Молодые организмы все переваривали!

До самого конца не было ни паники, ни депрессии. Уже потом механик пассажирского теплохода "Куин Мэри", на котором мы после спасения плыли из Америки в Европу, рассказывал, что оказывался в подобной ситуации: его судно в сильный шторм на две недели осталось без связи. Из тридцати человек экипажа несколько погибли. Не от голода, а из-за страха и постоянных драк за пищу и воду... Да разве мало случаев, когда моряки, оказавшись в критической ситуации, с ума сходили, бросались за борт, съедали друг друга?

– Как вас нашли американцы?

– Первый корабль мы заметили только на сороковые сутки. Далеко, почти на горизонте. Махали руками, кричали – без толку. Тем же вечером увидели огонек в отдалении. Пока разводили костер на палубе, судно скрылось вдали. Еще через неделю мимо прошли два корабля – тоже безрезультатно. Последние дни дрейфа были очень тревожными. У нас оставалось полчайника пресной

воды, один сапог да три спички. С такими запасами протянули бы пару суток, вряд ли больше.

7 марта услышали какой-то шум снаружи. Сначала решили: опять галлюцинации. Но не могли же они начаться одновременно у четверых? С трудом выбрались на палубу. Смотрим – над головами кружат самолеты. Набросали на воду сигнальных ракет, пометили район. Потом вместо самолетов появились два вертолета. Спустились низко-низко, кажется, рукой дотянуться можно. Тут уже мы окончательно поверили, что мучениям конец, помощь пришла. Стоим, обнявшись, поддерживаем друг друга.

Из люков высунулись пилоты, сбросили веревочные трапы, показывают знаками, как подниматься, что-то кричат нам, а мы ждем, когда кто-нибудь спустится на баржу, и я как командир поставлю свои условия: "Дайте продукты, топливо, карты, и мы сами домой доберемся". Так и переглядывались: они – сверху, мы – снизу. Вертолеты повисели-повисели, топливо кончилось, они улетели. Их сменили другие. Картина та же: американцы не спускаются, мы не поднимаемся. Смотрим, авианосец, с которого вертолеты взлетели, разворачивается и начинает удаляться. И вертолеты следом. Может, американцы подумали, что русским нравится болтаться посередине океана?

В этот момент мы по-настоящему струхнули. Поняли: сейчас сделают нам ручкой и – тью-тью. Хотя даже тогда мысли не было, чтобы бросить баржу. Пусть хоть на борт к себе поднимают! Из последних сил начали подавать американцам знаки, мол, дурака сваяли, не бросайте на погибель, заберите. К счастью, авианосец вернулся, подошел поближе, с капитанского мостика на ломаном русском нам прокричали: "Pomosh vam! Pomosh!" И опять вертолеты в небо подняли. На этот раз мы не заставляли себя уговаривать. Я влез в спущенную на палубу люльку и первым поднялся на борт вертолета. Мне сразу сунули в зубы сигарету, я с удовольствием закурил, чего не делал много дней. Потом и ребят подобрали с баржи.

На авианосце тут же повели на кормежку. Налили по миске бульона, дали хлеб. Мы взяли по небольшому кусочку. Показывают: берите еще, не стесняйтесь. Но я парней сразу предупредил: хорошего – понемногу, поскольку знал, что с голодухи нельзя обжираться, это плохо заканчивается. Все-таки вырос в Поволжье в послевоенное время...

– Наверное, до сих пор не оставляете в тарелке несъеденный кусок, выбираете до крошки?

– Наоборот, во вкусах я привередлив: то не ем, это не хочу. Скажем, вареные овощи так и не полюбил – морковку, капусту, свеклу... Страха голода у меня не было и нет.

Но продолжу рассказ про первые часы на авианосце.

Американцы выдали чистое белье, бритвенные приборы, отвели в душ. Только я начал мыться и... рухнул без сознания. Видимо, организм 49 суток работал на пределе, а тут напряжение спало, и сразу такая реакция.

Очнулся через три дня. Первым делом поинтересовался, что с баржей. Санитар, присматривавший за нами в корабельном лазарете, лишь плечами пожал. Тут у меня настроение и упало. Да, здорово, что живы, но кого мы обязаны благодарить за спасение? Американцев! Если не злейших врагов, уж точно не друзей. Отношения у СССР и США в тот момент были не ахти. Холодная война! Словом, впервые за все время я откровенно сдрейфил. На

барже так не боялся, как на американском авианосце. Остерегался провокаций, опасался, что нас в Штатах оставят, не разрешат вернуться домой. А если отпустят, что ждет в России? Не обвинят ли в измене Родине? Я же советский солдат, комсомолец и вдруг попал в пасть акулам мирового империализма...

Сказать по совести, американцы относились к нам исключительно хорошо, даже специально вареники с творогом сварили, о которых мы мечтали на барже. Коком на авианосце служил потомок эмигрантов с западной Украины, он знал толк в национальной кухне... И все же в первые дни после спасения я всерьез подумывал о самоубийстве, примерялся к иллюминатору, хотел выброститься. Или на трубе повеситься.

– А правда, что к вашим родителям приходили с обыском, пока вы дрейфовали?

– Об этом я узнал через 40 лет! В 2000 году пригласили в родные края, в Самарскую область, устроили что-то вроде торжеств по случаю юбилея плавания. В райцентре Шентала ведь и улица моего имени есть...

После окончания официальной части ко мне подошла женщина и, сильно смущаясь, попросила прощения за мужа-милиционера, который вместе с особистами в 60-м шастал у нас в доме по чердакам да подвалам. Наверное, думали, что мы с ребятами дезертировали, уплыли на барже в Японию. А я и не догадывался об обыске, родители ничего тогда не сказали. Они всю жизнь были скромными людьми, тихими. Я самый младший в семье, еще есть две сестры, живут в Татарии. Старший брат давно умер.

Что я нашелся, не погиб и не пропал без вести, в марте 60-го родные услышали по "Голосу Америки". Точнее, не они сами, а соседи прибежали и сказали, мол, про вашего Витьку по радио передают. Асхатом меня звали только домашние, а остальные именовали Виктором. И на улице, и в школе, и потом в армии...

Кинохроника, снятая на авианосце «Кирсардж» в 1960 году.

Американцы сразу сообщили, что выловили в океане четверых русских солдат, а наши власти неделю решали, как реагировать на новость, что с нами делать. Вдруг мы предатели или перебежчики? Лишь на девятый день, 16 марта, в «Известиях» на первой полосе появилась заметка "Сильнее смерти"...

К этому времени мы успели дать пресс-конференцию. Прямо на борту авианосца. С Гавайских островов прилетел переводчик, неплохо знавший русский, с ним – несколько десятков журналистов. С телекамерами, фотоаппаратами, прожекторами... А мы – деревенские парни, для нас это все дико. Может, поэтому и разговор получился коротким. Посадили нас в президиум, мороженое каждому принесли. Какой-то корреспондент спросил, говорим ли по-английски. Вскочил Поплавский: "Thank you!" Все рассмеялись. Потом поинтересовались, откуда мы родом, из каких мест. Ребята ответили, я тоже сказал, и вдруг у меня из носа ручьем хлынула кровь. Наверное, от волнения или перенапряжения. На том пресс-конференция и закончилась, толком не начавшись. Отвели обратно в каюту, поставили у дверей часовых, чтобы никто без спросу не ломился.

Правда, в Сан-Франциско, куда мы прибыли на девятые сутки, пресса свое наверстала, сопровождала на каждом шагу. О нас и по американскому телевидению рассказывали. Я раньше про это чудо техники лишь слышал, а тут включаю – идет сюжет о нашем спасении. Мы обросшие, исхудавшие... Я почти 30 килограммов сбросил, и ребята примерно по столько же. Помню,

потом показывали «фокус»: становились втроем и обхватывали себя одним солдатским ремнем.

ГОД СПУСТЯ. ПОЛЕТ ГАГАРИНА.

Принимали нас в Штатах по высшему разряду! Мэр Сан-Франциско подарил символические ключи от города, произвел в почетные жители. Ко мне потом в Союзе девушки долго приставали с расспросами: "А правда, что ключ золотой?" Не станешь ведь объяснять: нет, деревянный, золотистой краской покрытый... В посольстве нам выдали по сто долларов на карманные расходы. Я набрал подарков маме, отцу, сестрам. Себе ничего не взял. Отвели в модный магазин и приодели: купили каждому пальто, костюм, шляпу, галстук. Правда, в узких брюках и остроносых туфлях дома я ходить не решился, не понравилось, что стали обзывать стилиягой. Брюки отдал брату Мише, а ботинки – Крючковскому. Тот родным отправил. Еще нам подарили яркие трусы с ковбоями. Сейчас бы запросто носил, а тогда дико стеснялся. Потихоньку запихнул за батарею отопления, чтобы никто не видел.

По пути из Сан-Франциско в Нью-Йорк каждому подарили в самолете по шкалику виски. Я пить не стал, привез домой, брату отдал. Кстати, на авианосце был забавный эпизод, когда переводчик принес нам две бутылки русской водки. Говорит: по вашей просьбе. Мы сильно удивились, а потом посмеялись. Видимо, хозяева перепутали воду и водку...

– Остаться за океаном не предлагали?

– Спрашивали аккуратно, не боимся ли возвращаться. Мол, если хотите, предоставим убежище, условия создадим. Мы категорически отказывались. Боже упаси! Советское патриотическое воспитание. До сих пор не жалею, что не соблазнился никакими предложениями. Родина одна, другой мне не надо. Про нас потом и говорили: эти четверо прославились не тем, что гармошку съели, а что в Штатах не остались.

В Москве в первые дни опасался, как бы не упекли на Лубянку, не упрятали в Бутырку, не начали пытаться. Но в КГБ нас не вызывали, допросов не устраивали, наоборот, встретили у трапа самолета с цветами. Вроде бы даже звание Героев Советского Союза хотели дать, но все ограничилось орденами Красной Звезды. Мы и этому были рады. Фото: Удовиченко / РИА Новости ria.ru

– А за границей вы потом бывали?

– В Болгарии. Два раза. Ездил в Варну в гости к знакомому, жил у него с женой. Но это уже значительно позже. А тогда, в 60-м, у нас началась веселая жизнь. Когда прилетели в Москву, нам выдали программку: в девять утра быть в Доме радио, в одиннадцать – на телевидении на Шаболовке, в два часа – встреча с пионерами на Ленинских горах... Помню, ехали по городу, а вдоль улиц – плакаты: "Слава отважным сынам нашей Родины!" Утром у гостиницы ЦДСА садились в присланную машину, вечером возвращались в свои номера. Никакого инструктажа, о чем говорить. Каждый рассказывал что хотел.

Нас принял министр обороны маршал Малиновский. Подарил всем штурманские часы ("Чтобы больше не заблудились"), присвоил мне звание старшего сержанта, дал каждому двухнедельный отпуск на родину. Погостили мы дома, встретились в Москве и отправились в Крым, в военный санаторий в Гурзуфе. Опять все по первому классу! Там генералы да адмиралы отдыхали

– и вдруг мы, солдаты! Номера с видом на Черное море, питание усиленное... Позагорать, правда, не получилось. Только разденешься, туристы со всех сторон бегут с фотоаппаратами. Просят снимок на память и автограф. Уже прятаться от людей стали...

В Гурзуфе нам предложили поступать в училище ВМФ в Ломоносове под Ленинградом. Все, кроме Федотова, согласились.

– Страх перед морем не возник после полуторамесячного дрейфа?

– Абсолютно никакого! Другое волновало: у нас было по 7–8 классов образования, вступительные экзамены мы сами не сдали бы. Месяц ударно занимались с прикрепленными преподавателями русским языком и математикой, кое-какие пробелы в знаниях заполнили, и все же зачисление прошло в льготном режиме. Политуправление похлопотало... И потом, откровенно говоря, учились мы так себе. «Хвосты» случались, зачеты не с первого раза сдавали. На занятия мы ведь ходили в перерывах между выступлениями. Я даже делегатом съезда комсомола успел побывать.

– Долго вокруг вас водили хороводы?

– Считаю, до полета Юрия Гагарина мы шумели, а потом у страны и всего мира появился новый герой. Конечно, мы и приблизиться не могли к его славе. Даже не пытались.

– А встречались с космонавтом номер один?

– Как-то обедали вместе. Но это нельзя считать знакомством. Правда, в модной тогда детской считалке наши фамилии стояли рядом:

"Юрий – Гагарин.

Зиганшин – татарин.

Герман – Титов.

Никита – Хрущев".

Про нашу четверку сняли художественный фильм, Владимир Высоцкий написал к нему песню.

Стиляги переложили на рок-н-рольный мотив американский шлягер: "Зиганшин-буги, Зиганшин-рок, Зиганшин съел второй сапог".

Хемингуэй приветственную телеграмму мне присылал. Лежала дома, а потом затерялась. От Алена Бомбара письмо приходило, от Тура Хейердала. Конечно, приятно, что великие люди слышали мое имя, но я понимал: мы с ребятами своей славой обязаны стечению обстоятельств. Так сложилось. Хотя и сегодня не забывают. Пару лет назад какой-то чужак написал художественную повесть "Баржа Т-36". Нафантазировал всяких глупостей, насочинял муру! Подарили книжку, я пролистал ее и даже читать не стал. На полке в шкафу валяется...

Был момент, начал крепко выпивать. Научили. У нас ведь как? Любая встреча заканчивается застольем. А звали часто. Сперва мое выступление, потом банкет. И отказать людям нельзя, обижаются... Но в последние 20 лет ни капли спиртного в рот не беру. Даже пиво не пью. Спасибо медицине, помогла.

55 ЛЕТ СПУСТЯ. ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

Вы вот говорите: те 49 дней – главное событие жизни. Да, эпизод яркий, с этим не поспоришь. Но у кого-то и такого нет. Люди умирают, что называется, не родившись. И самим вспомнить нечего, и их никто не знает.

А наша четверка, как ни крути, и после того дрейфа жила достойно. Судьба, конечно, побросала, но не сломала. Я с марта 1964 года по май 2005-го бороздил воды Финского залива. Сорок один год прослужил на одном месте. В аварийно-спасательном дивизионе Ленинградской военно-морской базы. Как говорится, в тридцатиминутной готовности. Суда, правда, менял. Сначала работал с пожарными, потом с водолазами. Много было разных историй. В Москву на парад в честь Дня ВМФ четырежды ходил. Одиннадцать суток по рекам и каналам шли, месяц репетировали, чтобы выдать перед VIP-зрителями струю воды высотой сто метров. С Северного флота боевую подлодку на парад специально тащили! Впрочем, это уже для другого рассказа...

Федотов служил в речфлоте, плавал по Амуру. Кстати, о том, что у него родился сын, Иван узнал, когда нас американский авианосец подобрал. Вернувшись в Москву и получив отпуск, сразу рванул на Дальний Восток к семье...

Поплавский, окончив училище в Ломоносове, никуда уезжать не стал, там и осел навсегда. Участвовал в экспедициях в Средиземном море, Атлантике, вел наблюдение за космическими аппаратами. Он, как и Федотов, к сожалению, уже умер. Остались мы с Крючковским. Толя после учебы попросился на Северный флот, но пробыл там недолго – жена приболела и он перебрался на родную Украину, в Киев. Всю жизнь проработал на судостроительном заводе "Ленинская кузница". В последний раз мы виделись в 2007 году. Летали на Сахалин. Сделали нам такой подарок – пригласили. Пробыли неделю.

– Опять штормило?

– Не то слово! По программе планировался полет на Курилы, но аэродром Итурупа три дня не принимал. Летчиков почти уговорили, но в последний момент они отказались, говорят, мы же не самоубийцы. Полосу на Итурупе японцы строили для камикадзе: тем важно было взлететь, о посадке не думали...

Так больше и не довелось побывать в местах, в которых мы служили. Теперь не выберемся. Здоровья нет, да и дорогу некому оплачивать. Крючковский в конце прошлого года перенес инсульт, долго лежал в госпитале, я тоже на аптеку работаю, хронических болячек развелось без счета. Хотя до 70 лет держался, почти не хворал. Пенсии не хватает, на лодочной станции сторожу, частные яхты да катера охраняю. Живу с дочкой и внуком Димой. Жену Раю похоронил семь лет назад. С Крючковским иногда созваниваемся, стариковскими новостями обмениваемся.

– О политике говорите?

– Не люблю этого. Да и что обсуждать? Была одна страна, которую развалили. Теперь вот на Украине война... Когда-нибудь она закончится, только, боюсь, нам не дожить.

Я теперь дальше Стрельны почти не выбираюсь.

– Вы же почетный житель города?

– Да, не только Сан-Франциско... В 2010 году избрали. Сначала Владимира Путина, потом – меня. Удостоверение № 2 выдали. Правда, звание в буквальном смысле почетное, никаких льгот не предполагает. Даже на оплату коммунальных услуг. Но я не жалуясь. Вот на пятидесятилетие дрейфа мне холодильник подарили. Импортный, большой...

Р. S. Все думаю над вашим вопросом о главном событии жизни. Честно говоря, лучше бы их не было, тех сорока девяти дней. Во всех смыслах – лучше. Если бы тогда нас не унесло в море, после службы вернулся бы я в родную Шенталу и продолжал бы работать трактористом. Именно тот шторм сделал из меня моряка, всю жизнь перевернул...

А с другой стороны, о чем бы мы с вами разговаривали сегодня? Да и не приехали бы вы ко мне. Нет, глупо сожалеть.

Куда несло, туда, как говорится, и вынесло...

В 1960 году появилась песня "О четырех героях". Музыка: А. Пахмутова
Слова: С. Гребенников, Н. Добронравов. Эта песня в исполнении Константина Рябинова, Егора Летова и Олега Судакова вошла в альбом "На советской скорости" – первый магнитоальбом советского андеграундного проекта "Коммунизм".

29 июля 2017 году умер Асхат Зиганшин – один из героев бессмертного дрейфа баржи «Т-36».

Из событий, произошедших в 1960 году в СССР, можно было бы рассказать ещё о том, что:

- 1 мая над Уралом советская ракета сбивает самолет американского шпиона Гарри Пауэрс.
- В столице открывают бассейн «Москва» и закрывают Таганскую тюрьму.
- С преступностью борются силами дружинников, а с тунеядцами – всем миром.
- Частная жизнь идет своим чередом. Во дворах танцуют под Майю Кристалинскую и осваивают новую игру – бадминтон.
- Дети носят чулки и лифчики, женщины вяжут шапочки-менингитки.
- В кино смотрят «Ночи Кабирии» и «Бабетта идет на войну».
- На комсомольских собраниях ругают бородачей и прозрачные блузки.
- Становится модным ходить в походы и работать геологом.

Незаметно мы много времени уделили АУРЕ 1960-го года. Пора переходить к нашей основной теме – событиям, произошедшим в этом году с нашей семьёй.

Часть 2

Моя работа в НИХТИ

На фотографии запечатлены возвращавшиеся с прогулки – мой отец, бабуся и друг Бориса – Борис Волков. Сам Борис фотографировал их, поэтому на снимке его – нет. Но самое интересное – в объектив попал непонятный объект, летящий в небе. Уж очень он похож...

ВСПОМИНАЕТ ИРАИДА

1960–ый год памятен многими событиями, и печальными и радостными. Поскольку мы поженились 20-го ноября 1959-го года, шёл первый год нашей совместной семейной жизни. Первые обиды, первые ссоры и примирения...

Всё это было, но было так давно: мы притирались друг к другу.

Две остановки не доезжая до посёлка, был завод – п/я 6. Он выполнял работу для института (НИХТИ), но был на собственном балансе. В состав завода входила строительная организация, проводившая бетонные и другие строительные работы для завода. В этой строительной организации работали я и мой отец.

1 января предприятие п/я № 6 было введено в состав п/я № 14. В соответствии с этим все работающие на предприятии п/я 6 – с 1.01. 60 г. были переведены на п/я 14.

Строительную контору, в которой я работала, расформировали, передав её функции какому-то другому отделу завода. Меня, как и всех, кто попал под это расформирование (практически – сокращение), вызвали в отдел кадров, и мне предложили должность старшего техника в лаборатории № 10, с окладом 800 рублей.

Я согласилась, распрощавшись навсегда с профессией строителя. Так случайно мы с Виктором оказались работающими на одном предприятии – п/я 14.

Запись в трудовой книжке:

12. 1960 г. 1.01. Переведена на ПРЕДПРИЯТИЕ П/Я 14.

13. 1960 г. 1.01. Ст. ТЕХНИК лаборатории № 10

14. 1960 г. 11.26. Переведена Ст. ТЕХНИКОМ в ЛАБ. № 8.

Я работала теперь в п/я 14. П/Я 14 – это Научно-Исследовательский Химико-Технологический Институт (НИХТИ), занимавшийся разработкой двигателей для ракет различного назначения, созданием твёрдых топлив (порохов) для них и – отработкой технологий изготовления этих топлив, а также испытанием двигателей баллистических ракет.

Располагался институт в посёлке имени Дзержинского. Испытания двигателей проводилось на территории института, находившейся в лесу, сразу же за посёлком. Из-за секретности посёлок считался «закрытой территорией».

Надо пояснить следующее. Испытательный полигон находился в лесу. Эту территорию так и называли – «в лесу». Там было несколько лабораторий и полигон.

Полигон представлял собой ряд расположенных вдали друг от друга бункеров.

В бетонированном помещении, глубоко под землей (на случай безопасности во время возможного взрыва) были установлены рельсы. На них крепился двигатель – стеклопластиковая труба, начинённая порохом, и вся обвешанная датчиками. Двигатель прочно крепился к рельсам. При испытании его «включали» – поджигали. И он начинал метаться на своей опоре, пока не догорал порох. Если вдруг, он обрывал крепления, то вылетал на площадку перед бункером. Площадка представляла собой дно огромной ямы, вырытой глубоко в земле. Двигатель бешено метался по стенкам ямы, пока не догорал. Бывали случаи, когда он вылетал вверх, и тогда мог упасть где угодно, и не только в лесу. Иногда, обломки долетали до колхозных полей, и падали рядом с работающими на грядках колхозниками, оставляя чёрные следы сажи и гари.

Много лет спустя, когда уже всю говорили об НЛО, объявлялись свидетели, выдавшие эти неопознанные объекты над лесом, где проводились испытания.

У нас есть фотография, на которой запечатлены возвращавшиеся с прогулки – мой отец, бабуся и друг Бориса – Борис Волков. Сам Борис фотографировал их, поэтому на снимке его – нет. Но самое интересное – в объектив попал непонятный объект, летящий в небе. Уж очень он похож на НЛО. Говорили, что НЛО часто видели над лесом, где проходили испытания двигателей ракет, работающих на твёрдом топливе.

Фотография приведена выше...

Виктор работал на основной территории предприятия, а «в лесу» работал мой брат – Борис.

Лаборатория № 10, в которую меня перевели, находилась на территории опытного завода и входила в отдел, которым руководил известный учёный – Победоносцев.

До завода можно было дойти пешком. Но я, разумеется, выходя из дома, шла направо, на площадь, и ехала две остановки на автобусе, до проходной завода. Кто бы сомневался? Леня раньше меня родилась.

На заводе я работала в отделе Победоносцева, а потом – Путинцева.

Победоносцев – известный учёный, имеющий прямое отношение к созданию «Катюши». Он создал двигатель на твёрдом топливе – основу установки и разработал теорию её функционирования – каппа Победоносцева.

ВИКТОР ДОБАВЛЯЕТ: – как известно, первые испытания были неудачными: снаряды разлетелись веером и накрыли большую площадь, что очень не понравилось наркомму К.С. Ворошилову. Зато это впоследствии считалось большим достижением.

Продолжаю – я (Ираида)...

Виктор знал о Победоносцеве ещё во время учёбы в МАИ, а теперь, в НИХТИ их пути пересеклись ещё раз. А мне посчастливилось работать в его отделе.

Юрий Александрович Победоносцев перешел на работу в НИХТИ по рекомендации главного конструктора С.П. Королёва. В его задачи входило – дальнейшее развитие ракетной техники.

Генеральный директор НИХТИ – Б.П. Жуков специально для Ю.А. Победоносцева создал лабораторию по проектированию РДТТ (ракетных двигателей на твёрдом топливе).

И уже через год, в 1959 году, лаборатория провела первое огневое стендовое испытание ракетного двигателя с отсечкой тяги. Для этого – в передней крышке двигателя с помощью детонирующего шнура вскрывались дополнительные отверстия. Результаты были отличные.

Уже в мою бытность в этой лаборатории (в 1960 году) эта работа была признана как – изобретение, одним из авторов которого являлся – Ю.А. Победоносцев.

Я была тогда ещё ничего не знающей и не понимающей девчонкой. Каждый день, встречаясь с такими известными, ведущими учёными – конструкторами, я даже не предполагала, что когда-нибудь, я буду об этом вспоминать с гордостью.

Я на работу была принята в лабораторию Путинцева, (входящей в отдел Ю.А. Победоносцева), в группу отработчиков, которой руководил группой – Бритарёв Слава. Отдел находился на территории опытного завода.

В комнатке, где сидел Юрий Александрович Победоносцев стояло вдоль стены два стола, за которыми сидели – начальник моей лаборатории – И.П. Путинцев и Ю. А. и Победоносцев который был уже назначен начальником отдела.

Перед каждым из столов стояло по кульману. И оставался всего лишь узенький проход вдоль окна и стены ко второму столу. Поскольку по многим, особенно личным вопросам (например, отпроситься...), нужно было идти в эту комнату, приходилось частенько туда заглядывать. А иногда я ходила туда с графиками, которые мне давали строить на листах миллиметровки...

На одно из опытных испытаний двигателя с отсечкой тяги Юрий Александрович пригласил С.П. Королёва. Эффект «гашения» и повторного воспламенения порохового заряда произвёл на Королёва большое впечатление.

Работы в этом направлении развивались с такой скоростью, что, как обычно бывает – потребовалось расширение отдела. Вернее, – раньше была проектно-конструкторская лаборатория, которой руководил – И.П. Путинцев. А теперь, кроме этой лаборатории были ещё организованы – новые:

– лаборатория теплоизоляционных материалов во главе с начальником – В.И. Фионичевым и – лаборатория прочности – начальник О.Н. Иванов.)

О! Этот Олег Николаевич Иванов мне позже запомнится надолго. Уже когда я училась в институте – МХТИ, он у нас – у поселковых студентов консультировал выполнение зачетных работ по высшей математик. Мне несколько раз пришлось переделывать работу, чтобы получить зачёт...

Помню – я просила Виктора помочь мне в решении задач в контрольных заданиях, но он всегда говорил мне – «Думай и решай сама». Я обижалась, а теперь благодарна ему за это. Приходилось самой «добывать знания», которые потом в жизни мне не раз приносили пользу...

Этим большим разросшимся отделом руководил Ю.А. Победоносцев.

Но пришло нежеланное время, когда здоровье Ю. А. ухудшилось. Он перешел на должность старшего научного сотрудника.

Руководство отделом перешло – к И.П. Путинцеву, который к этому времени уже защитил кандидатскую диссертацию.

Не помню, в чём заключались мои рабочие обязанности. Кажется, заполняла какие-то таблицы, строила разные кривые, в общем, что-то в этом роде...

Гораздо позже я стала разбираться в этих кривых, которые мы строили на миллиметровке. Это была обработка результатов опытных испытаний ракетных двигателей. Мы строили графики скоростей горения пороховых зарядов.

В ноябре 1960 года лабораторию перевели на основную территорию института. Это было рядом с домом, в котором позже нам дали комнату. А главное – мы с Виктором работали теперь в одном здании, хотя это его не особенно радовало.

Виктор работал – старшим инженером лаб. № 18. В связи со стратегией секретности, лабораториям периодически изменяли номера. Поэтому 16.03.60 г. лаб. № 18 была переименована в лаб. № 8. Соответственно, и Виктор был «переведён» в лаб. № 8. В этом же году он был повышен в должности, и стал руководителем группы.

Запись в его трудовой книжке:

6. 1960 III 16 Лаборат. № 18 переименована в лаб. 8

Ст. инженер лаборатории 8

7. 1960 IX 1 Переведен руководителем группы лаб. № 8

Надо сказать, что я всячески старалась быть в курсе работы Виктора. Поэтому у нас сразу же вошло в обычай – приходя домой, вечером делиться новостями о впечатлениях дня. Эта привычка так и осталась на всю жизнь...

А ещё мы любили помечтать о будущем. Ну, у меня какое будущее? Я ждала ребёнка. А вот перед Виктором стояли реальные цели. Впрочем, такие же желания теплились в головах всех молодых специалистов, пришедших работать в институт.

В первую очередь – это карьера по служебной лестнице. Это не только должности: инженер, ст. инженер, руководитель группы, начальник лаборатории или отдела, но и зарплата. А деньги всегда были первой необходимостью в любой семье, особенно в семье молодого специалиста, в которой ожидается новый член семьи...

В научном плане – успешное сочетание непосредственно выполняемой работы с научными разработками. Публикации собственных статей, или в соавторстве с кем-то. Затем – аспирантура. Потом защита кандидатской и т. д....

И, конечно, всё это невозможно осуществить, не будучи членом партии...

Дальше наши мечты и планы не продвигались. И так, эта программа задумывалась надолго вперёд. Для начала Виктор подал документы в аспирантуру...

Часть 3 Играем в семью

На фотографии – я (Ираида), Виктор и моя сестрёнка Милочка.

ВСПОМИНАЕТ ИРАИДА

Жить мы продолжали на частной квартире, которую снимали мои родители, в доме тёти Моти, в деревне Гремячево.

Не помню почему, но они не брали с нас деньги за жильё, которые они платили хозяйке. С первых же дней я объявила своим, что мы с Виктором будем питаться отдельно, и самостоятельно распоряжаться своим бюджетом.

Свою семейную жизнь мы начинали с проб и ошибок. Конечно, самым большим вопросом был финансовый. Мы начинали жизнь с нуля. Не было даже элементарных ножей и вилок. Правда, на свадьбу нам подарили столовый сервиз, который служил нам верой и правдой много лет.

Для меня семейная жизнь началась с игры. Я играла в хозяйку, не умея ничего делать, а главное – правильно вести хозяйство.

С самого начала я объявила родителям, что хочу вести своё хозяйство самостоятельно. В моём понимании, муж должен был зарабатывать деньги и отдавать жене, а она – тратить их.

Но рассчитывать деньги, планировать расходы – я не умела. Поэтому, в первый же месяц, забрав у Виктора получку, я помчалась в магазин, купила какие-то хозяйственные мелочи: керосинку, собственную сковородку, элементарные вилки, тарелки и чашки, ну, и продукты, в конце концов.

И, естественно, уже к авансу у меня не только не осталось денег, но я ещё сумела у мамы перехватить в долг небольшую сумму.

То же самое произошло и к моменту очередной зарплаты. Виктор возмутился, и попросту в очередную получку мне не отдал деньги, сказав, что тратить я не умею, а посему больше доверять мне свою зарплату не будет...

Но только одной моей зарплатой, естественно, не хватило бы даже на наше питание. Я пробовала с ним объясниться. Но всё было бесполезно.

Если я могла вспылить, или обидеться на что-либо, то через два часа я успокаивалась, и уже не обижалась на обидчиков, а даже чувствовала себя виноватой в чём-то. Это называется отходчивостью.

А у Виктора была противоположная черта. Он, после какого-то инцидента просто замолчал, и мог молчать днями. Создавалось какое-то дурацкое положение. Он приходил с работы домой, молча съедал свой ужин, не поинтересовавшись, на что я купила продукты, затем также молча читал газету или книгу, затем опять же, также молча ложился спать, отвернувшись к стене...

Так продолжалось первые два месяца. А когда Виктор, придя домой в день зарплаты, почему-то в очередной раз не отдал мне деньги. Я спросила — ???...

В ответ услышала: — «Ты деньги тратить не умеешь, поэтому я тебе больше их отдавать не буду...». И замолчал. Денег он не отдал. Я без него плакала, пробовала с ним разговаривать... Но он упорно молчал.

Наконец, я прерывающимся голосом предупредила его, что продуктов у меня больше нет, и надо выяснить, как мы будем жить дальше.

Сели. Обсудили... Он мне отдал деньги при условии, что в следующую зарплату я должна отчитаться ему за все расходы... Пришли к обоюдному решению — записывать все расходы, с тем, чтобы он мог проверить их рациональность и необходимость.

Прошел ещё месяц. Я, зная, что мне придётся «держать отчёт» за расходы, тщательно записывала всё, что покупала. Естественно, при этом старалась обдумывать каждую покупку. В конце месяца, я представила ему отчёт, но и в этот раз у меня свободных денег не осталось. А затем я завела тетрадку, в которую стала записывать все расходы до копейки. Прошёл ещё один месяц. Сели вместе...

Виктор долго изучал мои записи, просмотрел перечень продуктов, помолчал, а потом, поскольку придаться ему было не к чему, он всё-таки пробурчал — «Ну, семечек можно было и не покупать»...

После этого случая, мы решили все расходы согласовывать, зарплату распределять совместно, и т. д. и т. п.

Вот таким был мой первый жизненный урок по ведению хозяйства.

Учёт расходов с тех пор ведётся на протяжении всей жизни. Сначала я просто вела учёт, потом научилась планировать. Позже мы делали это вместе.

Когда приносили домой зарплату, садились и рассчитывали — куда и как будем тратить деньги.

Откладывали на необходимые траты: квартплату, за телефон, за гараж, за детские сады и ясли, откладывали на питание и на отдачу долгов.

А долги у нас были постоянно: непосредственные долги, оплата кредитов и т. д. В кредит мы брали часто и стоящие вещи. Кончался один кредит, начинался другой. Мы купили в кредит: швейную ножную машинку, электрический камин, приёмник с радиолой, цигейковую шубу из искусственного меха и ещё много нужных (а нужных ли?) вещей.

Умение планировать, и занимать деньги срослось у нас в едином порыве. И только благодаря этому — занять, а потом экономить, и отдавать долги, позволило нам жить «не по средствам»... Мы купили в долг и «Москвича», и «Волгу». Мы в долг покупали дорогую мебель

в первый же год нашей семейной жизни, и впоследствии – гарнитуры «Антик», кухонный гарнитур и т. д.

Записывать расходы мы продолжали все года совместной жизни, делаем это и сейчас. Таким образом, именно благодаря расчётливости Виктора Анатольевича, началось моё перевоспитание в направлении бережливости и разумности финансового бытия.

У нас до сих пор хранятся огромные канцелярские книги с учётом наших расходов. Жаль только, что самые первые или потерялись, или попросту где-то лежат, не попадаясь на глаза. Не все книги написаны аккуратно. Но, если их полистать, то можно проследить нашу «материальную» жизнь за всю нашу жизнь. Ну, и, конечно, из них видно: как менялись, и индексировались розничные цены; что мы покупали; как питались, и одевались; сколько тратили на отдых, на подарки, праздники и т. п. . .

Когда мы поженились, у Виктора было на книжке 600 рублей. На эти деньги мы сделали первую покупку – кровать, которую поставили в нашей каморке. Не помню, кто нам подарил верблюжье зелёное одеяло, подушки и постельное бельё. Наверное, это сделали мои родители.

На свадьбу БАТЯ (отец Виктора) привёз нам большой немецкий ковёр, который закрыл стенку со всех сторон вокруг кровати. Столик у окна и два стула. Вот и вся обстановка нашего «гнездышка». Но оно было такое уютное, тёплое, а, главное – своё первое жилище, хотя оно было и в частном доме.

Но хотелось большего. Не имея денег, я любила ходить по магазинам и мечтала. Я рассматривала мебель, посуду, какие-то нужные, и не очень нужные вещи. Было интересно представлять – как будет у нас, когда мы рано или поздно получим свою комнату. О квартире мы тогда и не мечтали. С жильём было трудно всегда.

В Держинку приезжало каждый год несколько молодых специалистов. Их поселяли, как и Виктора, в общежитие. А те, кто был женат, снимали в той же деревне Гремячево, где обособились и мы – комнатки.

Утром, когда из Гремячево мы спешили на работу, всегда встречались с такими же, как мы – молодоженами. Некоторые везли колясочки с малышами, чтобы по дороге оставить их в яслях или у нянь. . .

Гремячево – одна из 4-х деревень, принадлежавших Николо-Угрешскому монастырю, и образовавших – в последствии посёлок, а затем и город Держинский в Московской области. Сейчас на месте бывшей деревни Гремячево – новый район, улица Томилинская. От бывшей деревни не осталось – ничего. . .

Деревня Гремячево упоминается в документах начиная с 1521 года, как выселки Капотневского стана, сожженные крымскими татарами, при приходе их на Москву.

В 1773 году в Гремячево было 50 дворов и проживало 310 человек.

С 1861 года деревня входила в Выхинскую волость Московского уезда Московской губернии, после революции переименована – в Ухтомскую.

В 1890 году в деревне было 688 жителей, действовало 3-х классная школа, размещавшаяся в крестьянском доме. В 1911 году для школы построили специальное здание.

В 1930 году был создан колхоз, который в 1950 вошел в объединённый колхоз имени Ленина.

Вот такой была история деревни Гремячево, в которой мы с Виктором с нуля начинали свою семейную жизнь.

Мебельные гарнитуры были в то время дефицитом. На нашем маленьком поселковом рынке внутри монастыря, у малого пруда, был мебельный магазинчик. В него завезли чешский гарнитур, но при перевозке в серванте разбили стекло. Поэтому сразу его никто не купил, хотя продавец гарантировал, что стёкла привезёт позже обязательно.

Во время обеденного перерыва, я иногда любила прогуляться по магазинчикам, в том числе, забегала и в мебельный.

Увидев гарнитур, я загорелась желанием – купить его, и немедленно уговорила Виктора посмотреть мебель. Стол, стулья и тумбочки из гарнитура были уже проданы. Остались сервант и шкаф. Шоколадного цвета фанеровка. В серванте уйма полочек, ящиков, и даже был бар, внутри – зеркальный. Ну, не было стекла, но ведь, обещали...

Виктор на этот раз не сопротивлялся. Я уже была беременна. В посёлке строился дом для молодых семей с малогабаритными однокомнатными квартирками. Мы надеялись, что и нашей молодой семье, выделят квартиру в этом доме. А там одной кроватью не обойдёшься.

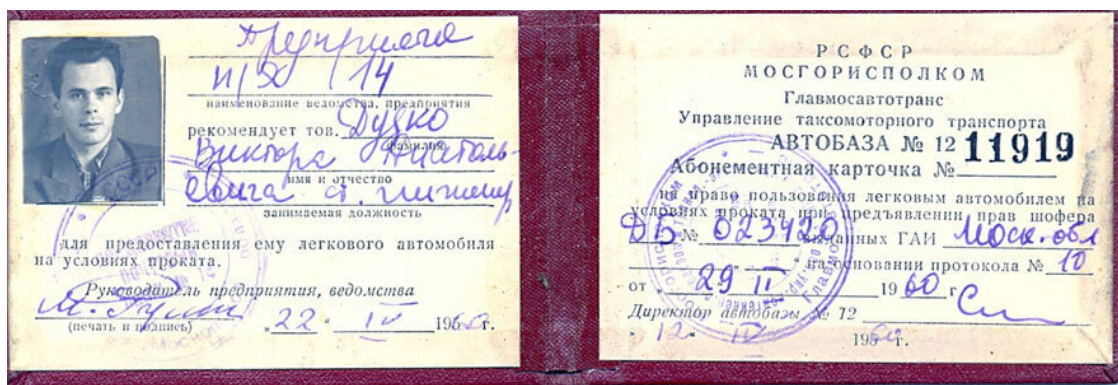
Короче, мы не растерялись, перезаняли денег, и купили шикарную мебель, и перевезли её в Гремячево.

В это время мы переехали из дома Фени в другой дом на этой же улице – дом Моти. Там было свободнее. Мои родные жили на первом этаже, а мы с Виктором заняли комнату – на втором. На нашу новую мебель мы не могли наглядеться. Кстати, всю остальную обстановку позже мы подбирали под купленный гарнитур, который нам служил много-много лет.

Вероятно, расчётливость Виктора, которой я подчинилась, а потом и придерживалась сама, позволила нам в первый же год нашей семейной жизни приобрести много необходимой мебели и вещей. Мы купили кроме серванта за 2600 руб., и шкафа за 1400 руб., – стол, стулья, письменный стол, приёмник с проигрывателем за 1100 руб. и кучу мелкой домашней утвари, типа необходимой посуды и т. д.

В общем, урок первого года продолжался всю жизнь и с большой пользой. Я многому научилась, во многом изменила свой характер, но и Виктор с годами заметно менялся, и во многих отношениях – к лучшему...

Часть 4 Голубая мечта

ВСПОМИНАЕТ ВИКТОР

Мы ещё не успели «опериться» в своей семейной жизни, а уже стали мечтать о собственной машине. По крайней мере, очень хотелось получить права, для чего мы с Сашей Смирновым поступили на курсы вождения, которые окончили в 1960 году, и получили права. Практику вождения мы проходили на грузовой машине ГАЗ-51.

Права были получены, но машины не было и поэтому, чтобы получить навыки езды на машине, я и Ратмир решили взять машину на прокат.

Поехали в Люберцы и по ходатайству предприятия получили абонементные карточки, по которым хотели получить легковую машину в прокат на несколько дней.

Мы с Ратмиром пришли на пункт проката, где нам предложили машину «Москвич».

Дежурный диспетчер – подвела нас к машине, сама открыла капот, и сказала, чтобы мы щупом замерили уровень масла, чтобы потом не говорили, что его не было. Сначала Ратмир, а потом я безуспешно искали, где же находится этот самый щуп.

(К легкой машине мы с ним подошли в первый раз в жизни!).

Диспетчер, видя наши безуспешные попытки, резко сказала: «Идите-ка вы...!!!», и пошли мы солнцем гонимые...

Впоследствии Ратмир не раз брал машину в прокат, а я так и не решился это делать до приобретения собственной машины.

Часть 5 Вторжение

Наверное, все очереди в столовых всегда были чем-то похожи друг на друга.

ВСПОМИНАЕТ ИРАИДА

Пока я работала на территории завода, я не была знакома с его сослуживцами. В основном, мы дружили семьями со Смирновыми Валею и Сашей, которые поженились чуть раньше нас, и жили в собственной комнате, в коммунальной квартире.

Нужно отметить, что Виктор очень дорожил своей свободой и мнимой независимостью.

Когда я территориально оказалась на работе в одном здании с его отделом, даже тогда он избегал встречаться со мной на работе или в столовой.

Сначала я не обращала на это внимания. Но однажды, когда я пришла в столовую, и встала (а у меня уже был немного заметен животик) в конец очереди, я увидела Виктора недалеко от кассы, в окружении своих сотрудниц.

Они весело смеялись, шутили. Взяв подносы, они пошли и сели за один столик. Им было по-прежнему весело. А я ещё долго стояла в очереди, а потом сидела где-то в стороне, и наблюдала за их компанией.

Во мне всё кипело. Я решила, что с этим безобразием надо кончать. Быстро заглотив обед, я подошла к их столику. Первым желанием было стукнуть кулаком по столу. Но я представила, что столик подскочит, и это будет скандал на всю столовую. Поэтому, чтобы сдержаться, я помню, руки спрятала за спиной, и буквально прошипела: – «Если ты ещё раз пойдёшь обедать без меня, учти...».

С тех пор мы ходили обедать вместе. Но это выглядело так. Я его спрашивала по телефону, что ему брать на обед, потом выстаивала очередь, брала два подноса, занимала ему место

за столиком, а он просто приходил – на готовенькое, да ещё и ухитрялся опаздывать. Так началось моё приручение и «обуздание» моего свободолюбивого супруга.

Следующим шагом было следующее...

Я попросила кого-то из общих знакомых, чтобы мне сделали экскурсию в лабораторию, где работал Виктор. Это происходило так.

Мы с ней открывали дверь в очередную комнату, входили, здоровались. Затем она громко мне объясняла, что это за участок (машинный зал, комната программистов и т. д.).

Визуально все уже меня знали. Когда мы таким же «Макаром» вошли в комнату, где находился Виктор, он по-моему, остолбенел.

Но с тех пор, когда мне что-нибудь было нужно, я спокойно приходила к нему в лабораторию. Постепенно я познакомилась со всеми его сотрудниками, из которых 90 % были – женщины.

Но финишем был поступок, который все его сотрудники посчитали – «сверх наглостью».

А было это так. В их отделе: то ли премию дали внеочередную, то ли совпали чьи-то дни рождения, сейчас причину праздника уже не помню. Только коллектив решил отметить какое-то событие. Квартиру предоставила под это мероприятие дочка начальника отдела – Соркина – Элеонора. Родителей куда-то на вечер спровадила. Вероятно, они уехали к сыновьям, которые жили в Москве.

В одной из комнат, помню в крайней слева, от дверей до окна был накрыт стол. Все хлопотали. Дверь на лестничную площадку была открыта. Туда выходили курить.

Такие сабантуйчики были не раз и раньше.

(ВИКТОР УТОЧНЯЕТ: – Ничего подобного! Это Соркин собрал нашу смешанную лабораторию, которая стала основой будущего вычислительного отдела – ВЦ, у себя дома, в только что полученной двухкомнатной квартире и сам, конечно присутствовал).

(ИРАИДА НАСТАИВАЕТ: – Виктор перепутал. В этот раз Соркина не было. Вероятно, он и собирал коллектив, но не в этот раз. Тем более, что вопрос о создании Вычислительного центра возник позже).

А в этот раз я решила – баста! И подговорила Валу Смирнову с тем, чтобы мы с ней пошли туда вместе с мужьями. Она поддержала мою инициативу. Мы собрались и пошли...

Наше появление произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

Когда нас увидели поднимающимися по лестнице, кто-то, кто в это время курил, бросился в квартиру с воплем – «Дудко идёт не один!» Перед нашими носами дверь громко захлопнули... Прошло несколько минут, в течении которых в квартире бурно обсуждалась ситуация, и принималось решение, что же делать?

Наконец, дверь открылась, и нас впустили. Первое, что я помню, кто-то громко кому-то сказал – «Принеси, пожалуйста, ещё тарелки, мы же не рассчитывали на такое количество...». В основном, вечер прошел нормально... Ничего, пережили и этот момент. С тех пор нас везде приглашали вместе.

Так был завоёван окончательно мой статус жены Дудко Виктора Анатольевича.

Часть 6

Командировки

ВСПОМИНАЕТ ИРАИДА

Виктор относительно часто ездил в командировки. Остались письма из некоторых его поездок.

В Киев Виктор съездил на Всесоюзную конференцию по программированию.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Оргкомитет II научной конференции по вычислительной математике и вычислительной технике приглашает Вас принять участие в работе конференции, которая состоится 6–10 июня 1960 года в г. Киеве.

Конференция открывается 6 июня в 10 час.

В большом конференц-зале Академии Наук УССР (г. Киев, ул. Владимирская, 54).

ОРГКОМИТЕТ

На фотографии – Старый Киев. Пешеходный мост. 1960 год.

В свободное время, как позже Виктор рассказывал сам, они с Сашей Смирновым не просто загорали на Днепровском золотом пляже, а с чужими ребятами играли в преферанс. Он сейчас сам ужасается, вспоминая это. Ведь, они могли так налететь, что и в живых-то не остались бы!

1960 г. ПИСЬМО из КИЕВА. В. А. в командировке.
Гостиница Театральная 232.

7.06.60 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ ИРОК!

Пишу тебе на третий день пребывания здесь.

Сегодня мои звонили с 9-и до 10, как я тебе говорил, но ты не подошла, и мы не сказали с тобой ни слова. Поэтому я решил тебе черкнуть пару строк.

В первый день мы устроились в гостинице, и потом все пятеро пошли на пляж. К сожалению, это было не совсем правильное решение, т. к. мы с Сашей сгорели дотла, и целый вечер и ночь мучились. Сейчас немного прошло, но вчера на пляже уже не были. Сходим завтра или сегодня.

Здесь идут «Ночи Кабирии» и завтра мы думаем сходить на неё (картину). Приеду 15-го утром, а 9-го вылечу на самолёте домой. Стоимость билета поездом в купейном, с постелью – 106 рублей, а самолётом – 116.

Время у нас заполнено полностью докладами с 10-и до 14 и с 16 до 20–21 часа. Так что особенно не разгуляешься.

Впрочем, здесь были сандалеты за 40 рублей, если будут на мой размер, то я возьму, если ты не возражаешь.

Домой звонить не буду, а приеду (вернее, прилечу) раньше на 1 день. Это интереснее, и неожиданное.

Киев весь в зелени, жарко. Жарко даже вечером, и все ходят без пиджаков. Вода в Днепре не особенно тёплая, но и не холодная. Город сам по себе не плохой, но люди здесь ужасные – грубияны почти везде, так что нам москвичам, приходится удивляться этому.

Мы ещё не были в достопримечательных местах Киева, а я даже не знаю – будем ли мы их здесь посещать, т. к. нет времени, да и очень жарко.

А, вообще, кажется, что уже прошло очень много времени со дня отъезда и я всё удивлялся, что прошло всего 2 дня, а я думал, что прошло 4–5 дней. Саша приедет 10-го, так что ты можешь у него узнать кое-что про наше житьё-бытьё.

Койка его в нашем номере стоит рядом с моей. Моя койка у окна. Живём мы в гостинице «Театральная». Из окна вид на Оперный театр и площадь около него.

Лёжа в постели, я вижу, как подходят люди на спектакль, а затем, спустя некоторое время, начинают расходиться.

Вот пока и всё моё послание.

Т.к. письмо придёт к 10-му, я поздравляю твоего отца с днём рождения, и желаю ему доброго здоровья и сто лет жизни.

Крепко, крепко целую.

Твой ВИКТОР.

P. S. Ты сделай там и зарегистрируй приёмник.

Потом была командировка в Саратов.

С докладами наших ребят пока ещё не посылали на конференции, а ездили они, как простые участники. Но они обязаны были прослушать все доклады, и потом на работе отчитаться за полученные знания. Так, что ездили они часто, и набирались впечатлений не только от конференций, но и от новых городов, новых знакомств и т. д.

Была одна командировка – Тракай, в Прибалтике, которая оставила в душе неприятное чувство.

С этими фотографиями связана небольшая история. Соседка Люды Липановой – моей начальницы, (я даже не помню, как её звали), собралась в командировку с кем-то из сотрудниц. С ними поехал Виктор. Молодые женщины решили пошутить, и поспорили между собой – кому удастся соблазнить Виктора. Но это им не удалось. (Много было свидетелей).

Тогда они решили в отместку за это «насолить» ему. Специально нащёлкали «компрометирующих» фотографий, и, вернувшись домой, отпечатали снимки, отобрали несколько, и принесли на работу. Спросили Виктора – сам он отдаст их мне, или это сделают они?

Тракай

В командировке в Прибалтике

И не лень было им разыгрывать сценки, где они обнимаются с ним, – и тому подобное... Конечно, ничего криминального в снимках не было. Но проучить его, чтобы – отучить от подобных ситуаций – следовало...

Помню, он пришел домой в обеденный перерыв. Пообедали, а потом он мне сказал – «Тебе просили передать»...

Я вынула из конверта фотографии, и просмотрела. Не зная, как поступить, я швырнула их на пол.

Я теперь не помню, вспыхнула ли во мне искра ревности, когда я просмотрела фотографии, принесённые Виктором. Наверное, – нет.

Ну, во-первых, я знала, что Виктор мог бы мне изменить только, если бы – влюбился.

А во-вторых, условия для этого должны соответствовать полной изоляции содеянного. Он знал, что всё «имеет уши», и всё «рано или поздно становится явным». А уж, если мне что-то станет известно, то...

А что – то? Ничего бы я и не сделала. Это просто я его пугала угрозами, типа:

– Если ты себе что-нибудь позволишь с кем-нибудь, то я этой какой-нибудь – кислотой глаза выжгу, и тебе мало не покажется...

У нас с Виктором без всякой договорённости, сама собой сложилась привычка – как бы сильно мы не поссорились, спать ложились всегда вместе. Может быть, (позже потому что, в доме было двое детей, а при них мы свои ссоры не афишировали), а, в первый год – потому, что в доме не было других свободных спальных мест.

Ну, одну ночь спим спина к спине, вторую, а потом, в какой-то момент поворачиваемся оба в одну сторону. И тогда происходит молчаливое примирение.

В этот раз наша размолвка кончилась тем, что после этой поездки в Прибалтику, Виктор ездил в командировки, в основном – один или с Валей Андреевой, очень строгой женщиной, которая блюла порядок в лаборатории, воспитывая всех сотрудников в строгости...

Часть 7

Ревность

Я была очень ревнивая. Я понимала, что ревность – это болезнь. Но ничего поделать с собой не могла. Ревновала я иногда буквально на пустом месте.

Помню – пришли в его лабораторию, молодые специалисты – Людочка и Валюша. Как-то сразу получилось так, что Валу подключили к работам, которыми занимался непосредственно Виктор сам. Естественно, им приходилось проводить вместе времени больше, чем ему со всеми остальным специалистам. Но мне-то это сразу показалось подозрительным. Ведь мы работали всего лишь на разных этажах... И иногда я видела то, на что не должна была бы обращать внимания. Но...

Но вот однажды я шла по их коридору, и в переходе в другое здание, неожиданно натолкнулась на них. Поскольку это было неожиданно не только для меня, но и для них, Виктор не успел «стереть» выражение лица и сменить его на нейтральное.

Я помню, как в этот день, на работе меня не оставляло, подкатывающее волнами, чувство ревности. А уж дома я дала волю этому приступу.

Так, как он в этот момент смотрел на неё, и улыбался, я видела только на одной из его старых фотографий...

В фотоальбоме Виктора есть несколько страниц, где вставлены фотографии его знакомых девушек. Там есть несколько фотографий девушки Ани. Виктор в минуты откровения (спровацированного мной) рассказывал мне истории знакомства с каждой из них, в том числе и про Аню. Но теперь я уже подробности не помню, но фотографию эту запомнила надолго. Иногда я ему говорила, что такой улыбки мне не досталось...

Вот эта фотография. На ней Виктор вместе с девушкой – Аней.

Иногда я ему говорила, что такой улыбки мне не досталось...

Судя по фотографии – Анечка очень светлый человек. По крайней мере, у неё приятная улыбка, в ответ на которую тоже хочется улыбаться.

Когда мы поженились, мне казалось, что он любит меня сильнее, чем я его. Но к моему чувству любви, сразу – же прибавилось чувство собственности. Я считала, что если я ему вручила свою судьбу, он обязан быть верным, и принадлежать только мне одной. Это в моём понимании – не допускалось ни малейшего флирта с его стороны с другими женщинами, ни даже – сокровенных мыслей на эти скользкие темы.

Если у меня возникало, хоть малейшее подозрение, я давала волю зловредным фантазиям. Помимо – мой воли в мозгах начинали проявляться видения.

Вот он улыбается, и между ними (неважно с кем, в данном случае – с предметом ревности), возникает магнетизм, который я начинала чувствовать. А вот – он дотрагивается до неё рукой, и это его заводит... А вот – он обнимает её, и... руки скользят... Теперь он отдаляется, отрывая кровоточащий кусок моего сердца... Нет, это даже теперь – невыносимо представлять...

Видно с самого начала нашей семейной жизни, я настолько крепко внушила ему мысль, что, если..., то... И он побаивался этого – «то...», и старался не вызывать во мне приступов этой неприятной болезни – ревности...

Правда, иногда бывали случайные, непреднамеренные поводы.

Помню, однажды мы с Виктором поехали на встречу с его однокурсниками – маёвцами. Группа встречалась ежегодно. Собирались по очереди, у кого-нибудь на квартире. А по круг-

лым датам – в ресторане. И вот на вечере встречи, куда впервые я поехала вместе с ним, его дёрнуло показать мне ту, за которой он ухаживал в институте...

Но, если я ревновала даже к прошлому, то, трудно представить себе, что со мной творилось, и, как я себя истязала, а заодно и его, этими приступами ревности...

С годами я начала успокаиваться. Может быть, жизнь, втянувшая нас в череду стрессовых ситуаций, не допускала даже мысли, что возможны срывы ещё и по таким поводам.

Но поводы почему-то, причём, всегда неожиданно, появлялись. Однажды мне попались в руки письма, которые Виктор прятал в своём чемоданчике, перевезённым из общежития в нашу первую комнату, в Гремячем.

Это были письма от Анны из Польши, и фотографии Анны и её сынишки – Андрейки...

Я старалась убеждать себя, что все эти истории: и Шурочка из Фрунзе, и институтские увлечения, и Анна с Андрейкой – это всё из прошлой жизни, и всё это было до меня, до нашей встречи с Виктором. И всё-таки внутри щемило...

Я почему-то, никогда не волновалась по поводу того – как Виктор относится к моим прошлым увлечениям... Оказывается, он тоже ревновал меня. Но, в отличие от меня свои чувства он скрывал и переживал молча.

Спустя много лет, в старости – моя ревность успокоилась совсем. Просто в этом плане стало казаться, что многое из жизни уже ушло, вычеркнуто, а, поэтому и волноваться по подобным случаям – не стоит. А, может быть, прибавилось ума и мудрости?

Неужели притупляется с годами чувство любви и страстного желания обладать друг другом? И всё это переходит в привычку и спокойное русло постоянства и незыблемости, а потому и ревность перестаёт мучить?

Скорее всего, быт поглощает всё твоё внимание, и прошлое в памяти уходит на задний план подсознания и уступает место сегодняшним событиям и сиюминутным заботам и проблемам.

После нашей с Виктором свадьбы, вечерами я перестала ходить в клуб – в драмкружок и литобъединение.

Во-первых – работала, и спешила домой, так как нужно было готовить ужин. Виктор приходил с работы позже меня.

А во-вторых – сначала гибель Бориса, а потом – ожидание рождения первого ребёнка, завладели мною, и всем моим сознанием – настолько полностью, что всё остальное отступило на второй план.

Заниматься «сочинительством» было некогда. Особенно, если писать придуманные вещи. Но вот, после поездки на вечер встречи с однокурсниками, мне захотелось стряхнуть с себя воспоминания, навеянные образами – предмета увлечения студенческих времён.

Тем более, что придуманного здесь, кроме имён, ничего не могло быть и не было. А, если добавить и описание встречи Виктора и Анны, о котором рассказано в первой книге – «ИСТОКИ» – «СЫН», то может получиться реальный рассказ, без выдумок и прикрас...

А почему бы не попробовать? И я взяла в руки ручку...

МОЛОДОЖЕНЫ

Алка стояла на лестнице, плотно прислонившись лбом к грязному стеклу окна. Было приятно от охлаждающей ночной свежести, сквозняком шарахающееся по этажам. Иногда внизу хлопала дверь и тогда лифт, шершаво ворча тросами, лениво проползал мимо.

Алка удивлялась своей выдержке: почему она так спокойна, и даже не расплакалась? Обида молоточками стучит в висках, и губы обиженно кривятся в улыбку.

Сначала ей хотелось убежать, уехать домой сейчас же, одной. Но сумочка была там. В следующее мгновение она решила войти туда, демонстративно взять свои вещи, одеться и уйти. Но что подумают другие? Они не поймут, почему она ушла, и скажут: – «Истеричка». И Алка всё стояла, и стояла, стояла и смотрела через грязное окно на далёкую внизу улицу и спешивших по ней куда-то людей.

Да, не надо было ей ехать! Ведь и его обвинять особенно нельзя. Может быть, она не права? И всё это не так уж обидно?

Ещё вчера они собирались в эту субботу поехать на Чехословацкую промышленную выставку. А сегодня утром ему позвонили на работу, и напомнили, что вечером его ждут на традиционном вечере встречи выпускников его группы, которая бывает раз в год. Приглашали приехать с женой.

Алка сначала отказывалась, шутила: – «Ну, куда я поеду такая неуклюжая – все выходные платья узкие – теперь ни одно не лезет, а в чёрном – скромно очень. Всё-таки вечер. Подожди, вот скоро родится сын, тогда втроём будем везде ездить».

Но Вадим настаивал на своём: – «Поедем, там все будут с женами». Но как-то так получилось, что с женами были не все, и все друг друга знали. На Алку сначала взглядывали с любопытством – подумать только: уже и Вадька женился! – а потом сразу же забывали о ней. Как-то незаметно получилось, что забыл о ней и Вадим. Сначала сидели за столом рядом. Он ухаживал за ней, иногда заглядывал в глаза, как бы спрашивая – «Ну, как? Нравится тебе здесь? Это мои друзья.» Алка улыбалась ему в ответ, и подставляла рюмку вместо вина под лимонад. Каждый приходил со своей закуской и вином. Вина были разнообразные, а для закуски – все как будто договорились нарочно, купили по банке рыбных консервов.

Вдоль длинного стола были расставлены бутылки вина и консервные банки. Было тесно, но весело. Опоздавших некуда было сажать, поэтому крайние уступали места. Алка вышла из душевой комнаты в переднюю. Подъезжали всё новые однокашники. Им навстречу кидались подвыпившие девчата, висли на шею, целовали, обнимали, потом подходили ребята – теперь уже мужчины, и, солидно улыбаясь, хлопали по плечу, и жали руку.

Сыпались вопросы – «Ну как, где ты? Старший инженер уже? Молодец! Как назвали дочку?». Вадима потащили опять к столу. Протиснулись в комнату и остальные. Алка осталась одна в передней. Она подошла и остановилась в дверях, глядя на залитую светом и улыбками комнату. Алка улыбаясь, смотрела на Вадима. Вот сейчас он позовёт её, посадит рядом, но он её не замечал. Глаза его задорно блестели. Он наклонился к рядом сидящей, тоненькой женщине, подстриженной под мальчика, и что-то говорил, говорил.

Ещё за столом он показал Алке на неё: – «А это моя первая любовь. Я за ней ухаживал с первого по третий курс».

Алка смотрела на них, и продолжала улыбаться. И вдруг, почувствовала себя смешной – стоит и ждёт, чтобы на неё обратили внимание, но все заняты собой и друзьями, а она оказалась одна. Нерешительно переступив с ноги на ногу, она вышла опять в коридор и увидела открытую дверь на лестничную площадку.

– «Выйду» – решила она.

И вот она стоит здесь уже полтора часа. Кто-то захлопнул дверь. И Алка осталась совсем одна, в чужом доме, у чужого грязного окна, никому не нужная, всеми забытая.

– «Сама виновата!» – ругала она себя – «Не надо было ехать. Они учились все вместе. Некоторые не виделись целых три года. Им сейчас говорить, и не наговориться, вспоминать, и не навспоминаться» – и она всё стояла...

Потом дверь открылась и на лестничную площадку вышли покурить ребята. Среди них был и Вадим. Алка птицей метнулась в переднюю. До этой минуты она всё ждала, что он вспом-

нит о ней, найдёт её, извинится, успокоит, а он... Он даже не заметил, что её всё это время не было. Судорожно, стараясь внешне быть спокойной, она нашла на вешалке плащ, и стала одеваться. Кто-то спросил:

– Как! Вы уже уходите?

– Да, мне пора. Нам, ведь, за город ехать, далеко. А сейчас уже поздно. Вадим ждёт меня уже на лестнице» – обманула Алка, и усмехнулась. – «Ждёт, как же!» – спрашивающий голос звенел уже на лестнице:

– Вадька! Ты что же!?! Собрался уезжать и не простился даже. Твоя жена оделась уже! Вадим непонимающе посмотрел на товарища, а потом подошел к Алке:

– Ты чего?

– Уже поздно, Вадя! Нам не на чем будет добираться. Надо успеть на последнюю электричку.

Вадим посмотрел на часы.

– А и правда – пора!

И, распрощавшись со всеми, догнал Алку уже на улице. Он всю дорогу молчал, иногда улыбался, вероятно, вновь переживая прошедший вечер. Дома он выпил стакан холодного чая, разделся, и моментально уснул, а Алка долго ещё ворочалась рядом и, наконец, тоже заснула, успокоив себя мыслью, что Вадим не виноват – просто ей не надо было ехать на этот вечер.

Дни бежали за днями. Тот вечер был забыт. Да и вообще, Алка старалась скорее забыть всё неприятное, или не замечать его.

Пролетело уже полгода, как она вышла замуж. И вот, теперь, месяца через три, она собиралась стать матерью. Она уже чувствовала своего ребёнка, и любила его. Любила ещё не умеючи, осторожно. Минутами она затихала, забывая обо всём на свете, прислушивалась к его первым порывистым толчкам, и представляла его маленького, беспомощного. Алке становилось жалко его.

Иногда Алка прижималась к Вадиму и шептала: – «Хочешь послушать?». Вадим клал руку на её живот, и шутил: – Это он производственной гимнастикой занимается». Алка гладила волосы Вадима, и представляла, что когда-нибудь у неё будет такой же взрослый сын, весь в отца. Она ещё крепче прижималась к Вадиму, и тихим, каким-то робким счастьем светилось её лицо. Вадим говорил, что стоит Алке подумать о ребёнке, как она становится какой-то особенной, светлой что ли.

Однажды, Вадим попросил найти какую-то тетрадь в чемодане, куда были сложены все старые конспекты. Алка рылась в исписанных тетрадях, иногда заливаясь задорным смехом:

– Вадим, смотри: кого это ты на обложке нарисовал? С бородой, как у козла?

А это наш математик! Его и звали из-за бороды – козлом.

– Смотри, здесь пачка писем! Я и не знала, что у тебя такая богатая корреспонденция.

Ала рассыпала пачку на коленях, и стала рассматривать обратные адреса.

– Это от мамы, А это...

– Алка, не надо!

Вадим подошел к ней, и поцеловав в щёку, ласково стал собирать с колен письма. Алка ухватилась за них:

– Нет, надо! Читал же ты все мои письма – я ничего не говорила. И я хочу всё знать!

– Не надо, Алка! – повторил Вадим.

– Ты боишься? Ты что – то от меня скрываешь? Вадим!!!

– Ну что ж, читай! Если тебе интересно, но только не из Польши.

Алка упрямо сжала губы, и прижала письма к груди, а внутри шевельнулось червячком тревожное предчувствие.

– Ну, что ж! Если ты так хочешь...

Алка скинула шлёпанцы, и, забравшись на диван с ногами, раскрыла один из трёх больших конвертов с чёрным штампом наискосок – «МЕЖДУНАРОДНОЕ».

На колени выпала фотография – молодая женщина с мальчиком на коленях. Алка удивлённо приподняла брови. Прочла на обороте: – «Дорогому папочке, Вадиму, от его сына Андрейки и его матери – Анны». Алка подняла удивлённые глаза на Вадима.

– Сын?!

– Да, Алка! Я выйду, покурю. – И вышел из комнаты, оставив Алку одну.

Алка ещё не поняла, что случилось, но какой-то щемящий страх охватил её всю. Алка, порывисто комкая конверт, выхватила из него письмо, и читала, захлёбываясь, выхватывая слова, первыми бросающиеся в глаза, читала, и ничего не понимала. Потом, взяв себя в руки, прочла письмо, затем – второе и третье.

Анна писала, что получила последнее письмо Вадима почти полгода назад, и до сих пор о нём ничего не знает. Андрейка растёт. Сейчас у него болит ручка. Он очень похож на Вадима – такой же курносый нос, голубые глаза и светлые волосы. Анна писала, что ей хочется вернуться на Родину, но не к кому. Если бы написал ей что-нибудь Вадим... Но писем от него всё нет и нет. Муж попрекает её Андрейкой, и тем, что она не полячка. Жить тяжело. Один Андрейка радует сердце. И ещё Анна писала, что Вадим не сможет забыть её никогда в жизни, даже, если он этого захочет, потому что она его любит и у неё от него сын.

Алка смотрела на фотокарточку, и ненавидела эту женщину и этого маленького невинного человечка, так похожего на Вадима и так внезапно, бес спроса, вторгнувшегося в её жизнь. Алка встала, прошлась по комнате. Щёки горели, жесткий комок застрял в горле.

Как же Вадим смог не сказать ей? Он обманул её. Алка подошла к постели, присела на край её. Голова клонилась всё ниже и ниже, и, наконец, ткнулась в подушку, пятная её горькими слезами.

Алка слышала, как в комнату вошел Вадим, подошел, остановился около кровати, помолчал. Потом нерешительно пододвинул стул, и, сев рядом с Алкой, начал говорить.

Алка лежала всё также, уткнувшись в подушку, и слушала, не перебивая, молча, перестав всхлипывать, вся сжавшись, замерев, похожая на свёрнутый клубочек горя.

А Вадим всё говорил, и говорил. Алке казалось, что слова падают на неё откуда-то из темноты серыми камнями. Потом ей начало казаться, что она видит всё, что рассказывает Вадим, ясно – ясно. А голос Вадима, не останавливающийся, а просто какой-то глухой, походит на голос диктора, сопровождающего немую картину.

– Это было три года назад. Мы с тобой, Алка, ещё не были знакомы. Я ехал из дома, после отпуска. В Киеве должен был делать пересадку, а до Киева – двое суток. Ехал в мягком...

Вадим рассказывает, и Алка видит поезд, пронесшийся мимо побелённых украинских мазанок и цветущих садов. Видит Алка и Вадима – он сидит один в купе, задумчиво глядя в окно. Вот на одной остановке в вагон входит молодая женщина. Что-то в ней есть такое, что заставляет Вадима сразу же обратить на неё внимание. Тоненькая, и, в то же время – не худая. Волосы светлые, прямые, на концах подкручены вниз, и, поэтому кажется, что они обнимают плечи ровной круглой волной, а надо лбом – взбиты высоко вверх. Тонкие губы, чуть продолговатые глаза с тёмными ресницами, и тоненькими прямыми бровями.

Алка видит её такой, какой видела недавно её на фотографии, всматривается внимательно, и старается увидеть то, что увидел в ней Вадим.

Эта женщина напоминает ей чем-то лакированные немецкие открытки, на которых изображены головки женщин – и все они чем-то похожи одна на другую, и у всех такие же волосы, такая же причёска, похожи и глаза, и удлинённые лица, и улыбки. Алке Анна не кажется красивой, но всё-таки что-то есть в ней привлекательное. И одета она со вкусом.

Вадим помогает ей уложить чемоданы. Она улыбается, и говорит – «Дзенькую, пане! – спасибо». Говорит она, перемешивая русские слова с украинскими и польскими. Сначала она смеётся, потом начинает смотреть в окно, и вдруг – плачет. Вадим растерялся. Он пытается успокоить её, сажает рядом, берёт её руки в свои. Она пробует улыбнуться, и начинает рассказывать о себе.

Во время войны, когда ей было 15 лет, их, молодых девчат, согнали в город, посадили в вагоны, и повезли на работу в Германию. Их довезли только до Польши. Часть русских женщин послали на работу в богатые польские усадьбы. В Анну влюбился один поляк, и, добившись разрешения, взял её жить к себе.

Кончилась война. Анна продолжала жить в Польше. У неё рос сын. Муж не бросил её, но уже и не любил. Она ни в чём не нуждалась, но чувствовала себя несчастливой, особенно потому, что её тянуло домой на родину.

И вот Анна решила съездить домой. Но, ни дома, ни родных она не нашла. Сейчас она возвращается в Польшу. Анна рассказывала, и постепенно успокаивалась. И вот уже из глаз её, сквозь невысохшие слёзы, искорками брызнул смех. Вадим наклонился к ней, поправил прядку волос, сбежавшую на лоб. Она доверчиво прижалась к его плечу.

В вагон набегали через окно сумерки. Вагон всё так же мерно постукивал на стыках колёсами, тихо покачиваясь из стороны в сторону. Из репродуктора медленно лился вальс. Вадим и Анна сидели обнявшись, тесно прижавшись друг к другу. В купе, кроме них – других пассажиров не было. В дверь постучал проводник, предлагая чай. Вадим попросил принести из ресторана ужин. Анна пила вино не отказываясь, небольшими глотками, но много. Потом закурила польскую сигарету.

Вадим, склонившись к ней, говорил, что первый раз видит такую красивую женщину, жалел её и её тяжёлую жизнь. Анна смеялась, потом плакала, и опять смеялась, и говорила на ломаном путаном языке, называя Вадима паном.

Говорила, что очень ему благодарна за то, что он сочувствует ей, что она запомнит его на всю жизнь, как соотечественника, с которым её свела судьба так близко, после долгой разлуки с Родиной. Она обвила его шею белыми руками и шептала ласковые слова по-польски и по-русски. Она и в самом деле любила его. Он был для неё сейчас всем – потерянными родными, Родиной, с которой её предстояло опять расстаться, человеком, который пожалел её, соотечественником – и всё это вылилось в горячее, пьянящее чувство близости, желания любить, ощущать. Анна целовала Вадима, крепко прильнув к нему всем своим телом. Он ответил ей тем же...

До Киева они ехали вместе двое суток. И ещё два дня гуляли по цветущей столице Украины, а потом разъехались в разные стороны, каждый по своей дороге: она – в Брест, а потом – в Польшу, а он в Москву...

Они не встречались больше в жизни, но переписывались. Анна писала, что у неё от него родился сын, совсем такой же, как Вадим. Она любит его больше первого. Он для неё – всё: и воспоминания и любовь к Вадиму, и единственное счастье в жизни.

Алке вспомнились строчки из писем: – «Жить тяжело. Один Андрейка радует сердце». И ещё: – «Ты, Вадим, не сможешь забыть меня никогда в жизни, даже, если захочешь, потому что я люблю тебя, и у нас есть сын».

И Алке вдруг показалось, что разбито Алкино счастье, и Алкина любовь. Трещинкой, прочной трещинкой пролегла на всю жизнь между нею Вадимом любовь Анны и маленький Андрейка. Да, никогда Вадим не забудет, не сможет забыть это... А как же Алка? Алка была уверена, что Вадим заполнен одной только ею, Алкой, так же, как и она им... Ведь, она не может жить без него, она любит его, а он такой... такой... Алка не находит слов, и, задыхаясь от горечи страдания, впивается зубами в подушку. Вадим сидит молча, потом тихонечко дотрагивается до Алки рукой. Алка вздрагивает, и, прерывающимся голосом шепчет:

Уйди! Сейчас уйди. Я хочу одна... Одна...

Вадим встаёт, и, наклонив голову, выходит из комнаты.

А Алка думает и думает... Он писал Анне даже накануне свадьбы. А, что, если она приедет? Лучше сейчас уйти, уйти совсем, не мешать Вадиму, пусть встретит её, утешит. Алка вскакивает, и кидается к чемодану. Наклонилась, чтобы открыть, и в эту минуту что-то легко толкнулось внутри. Алка прижала руку к животу, и замерла. А что будет с её маленьким? А вдруг это будет – сын? Вадим так хочет сына. И будет он расти без отца, как и Андрейка.

Алка достала фотографию Андрейки и долго смотрела на неё. И ей было жаль его. Он так был похож на Вадима. И у Алки будет такой же сын, похожий на Вадима. Анна улыбалась на фотографии, но Алка уже не ненавидела, а жалела её.

Алка подумала о Вадиме, и удивилась, за что она возненавидела сначала Анну, ведь виноват – Вадим. Он мог не воспользоваться слабостью женщины...

Но это было три года назад. Вадим любит Алку. Она знает, что он её любит. И Алка любит его. Надо написать ей, чтобы она не ждала больше писем, чтобы она знала, что Вадим женился, и, что у него тоже будет ребёнок, и, что он не любит Анну. И Алка представила, как Анна читает её, Алкино письмо и плачет, как сейчас Алка, прижимая к себе Андрейку.

Нет, не напишет Алка, оставит Анне её единственную надежду. И Алка думает уже о другом. А что, если приедет Анна? Нет, Вадим не оставит Алку. Если Анна захочет отдать Андрейку Вадиму, Алка ничего не скажет против, она воспитает его, как и своего ребёнка. Она будет любить его, ведь, это – сын Вадима. И вдруг жгучий вопль, полный ненависти, раздражает Алке грудь.

– За что? За что один человек заставляет мучиться столько: Алку, Анну, Андрея. Чем они виноваты, что любят его. Алка рыдает неутешно, и в эту минуту ненавидит Вадима, первый раз ненавидит – за себя, за Анну. Потом, обессилив от слёз, Алка добралась до постели, откинула одеяло, и, сбросив халатик, легла.

Поздно вечером, пришел Вадим. Не зажигая света, разделся и лёг рядом. Алка лежала к нему спиной. Вадим нерешительно обнял её своей сильной рукой, и Алке показалось вдруг, что, что-то большое, страшное, отодвинулось в прошлое, а рядом вот он – её Вадим, любимый, родной.

Вадим ничего не говорил, не объяснялся даже, не просил прощения, не заверял в любви, а Алке в эту минуту ничего и не нужно было.

Алка знала, что долго ещё будет фотография Андрейки стоять перед глазами. Никогда она, также, как и Вадим, не забудет Анну, с её тяжелой судьбой и улыбающимися продолговатыми глазами. И всё же сейчас ей стало легче.

Знала Алка, что в жизни много будет ещё неприятностей и разочарований. И ещё не один вечер будет испорчен, как и тот, когда они с Вадимом ездили на традиционный вечер встречи с одноклассниками. И, всё-таки почему-то верила Алка, что Вадим будет с ней всегда рядом, что склеит Алка своё надтреснувшее счастье.

И тихонько повернувшись, Алка прижалась к Вадиму, и замерла тревожная, но верящая...

Поскольку в литкружок я уже не ходила, ради любопытства, я решила отослать этот рассказ Витиному двоюродному брату – Юрию Ермалюку, в Минск.

Юра работал корреспондентом радио и телевидения. Его статьи и передачи пользовались успехом. Я решила, что его критика будет полезной, и не предвзятой... Юра вскоре прислал ответ.

Виктор и Ирина! Добрый вечер!

Уверен, что читать моё письмо будете вечером. А, если не так, то какая в этом беда?

Прежде всего, горячо и от всего сердца поздравляю вас с маленькой! К моим поздравлениям присоединяются все домашние.

Конечно, я большой свинтус: надо было поздравить сразу же, как только получили телеграмму от Виктора. Но, как-то так получилось, что, откладывая со дня на день, собираясь одновременно с поздравлениями выполнить обещанное Виктору. И, тем не менее – виноват, каюсь, с надеждой, впрочем, на то, что повинную голову меч не сечёт.

Конечно, вы понимаете, что в первую очередь нас всех интересует буквально всё, связанное со Стеллой. Ещё не так давно мы с Нелей переживали то же, что и вы сейчас. И поэтому ждём от вас подробнейших сообщений. Просим только не брать пример с меня...

Представляю как изменила ОНА всю вашу жизнь, властно вторглась во всё! Столько новых забот и хлопот! А без них – сознайтесь, – вы бы сейчас не согласились остаться.

Немного о нашей жизни. С дачи уже перебрались давно, а участок, начатый ещё Виктором, не вскопали до конца. Получили разрешение на гараж, но ещё не построили его. Машина стоит далеко от дома. Наездил уже 10 тысяч... Не смешно ли, что я в первую очередь сообщаю о чём угодно, только не о людях? Нет, это свидетельство того, что все здоровы. А о здоровье, ведь, вспоминаешь, когда оно потеряно. И так, все здоровы, всё в порядке...

А теперь хочется поговорить о другом. Следующая часть письма предназначена только Ире. Поэтому и начну её на следующей странице, хотя и на этой есть ещё место.

Речь пойдёт, Ира, о рассказе «Молодожены». Своё, довольно поверхностное, но нелицеприятное суждение о других рассказах я уже сообщил Вите, поэтому не буду касаться их, поговорю только об Алке с Вадимом.

Буду честен: рассказ мне и понравился, и в то же самое время не понравился.

Попробовал разобраться, почему такое двойственное впечатление.

Для этого прочитал рассказ три раза. И вот результат: очень хороша Алка, остальные – бледны, удачно написана вторая часть, а первая – вечер встречи – совершенно не нужна.

Алка – искренняя, и любящая натура с необыкновенно чувствительной душой. Она, мне кажется, немного склонна к сентиментальности, готова к самопожертвованию, но в то же самое время не отдаёт без борьбы своё счастье. Может быть, я её не до конца понял, но переживания Алки меня тронули, я им поверил, и сожалел вместе с ней, а потом и надеялся вместе.

Хотя, говоря по правде, оснований для надежд было мало. И вот почему: Вадим не вызывает доверия. Сначала он забыл о беременной жене на вечере. Потом оказалось, что он скрыл от неё очень важное событие своей жизни. Почему скрыл? Надеялся, что за дальностью Алка ничего не узнает? Или жалел её, беременную? Но, ведь, можно было сказать правду и до женитьбы... Что

гадать, подло он поступил, а в рассказе нет ничего, ни слова, чтобы объяснить это. Да и вообще очень мало о Вадиме. Так что, рассказ можно было назвать – «АЛКА», её муж здесь присутствует, а не живёт.

Было бы смешно давать автору рецепты, но я бы постарался хоть как-нибудь показать, что Вадим и Анна стремились встретиться. А то получилось слишком легко, бездумно. Кстати, Анна пишет, что муж её попрекает её Андрейкой. И я бы на его месте не попрекал, а, может быть, сделал бы что-нибудь более серьёзное.

Это уже я пишу, не как критик, а просто, как мужчина. А много ли вы мне назовёте мужчин, которые думают иначе?

Не знаю, сумел ли я точно выразить свои мысли, но рассказал, почему у меня не было надежд на то, что Алка склеит свое надтреснутое счастье. Но тем не менее, хотя образ этой женщины тоже полон противоречий, он правдив и удачен, чего не скажешь относительно образов других героев. Вот почему рассказ мне одновременно понравился и не понравился.

Несколько слов о языке. На мой взгляд, он вполне добротен, хотя ему не мешало бы быть иногда более точным. Например, вызывает сомнение «прочная трещинка». Раз трещина, значит уже дефект, значит уже потеря качества и прочности. Или – «слушала, не перебивая, молча». Так как это равнозначно, то можно было оставить что-нибудь одно.

Ещё пример: – «полячка». Это устаревшее слово. Употребляется оно в простонародье. Литературный язык требует – «полька», хотя Пушкин писал: – «Довольно. Стыдно мне пред гордою полячкой унижаться» (Б. Годунов).

Но всё это по правде говоря – ерунда, мелочи. Я не профессиональный критик, мне приходится больше править, чем оценивать. Так вот, если бы мне всегда попадались авторские материалы, я бы, вероятно запил, радуясь качеству материалов и изнывая от безделья, так как нечего было бы править...

Да, кстати, заглавие мне не совсем (второй раз о названии!)? Позабыл, что уже писал). Ведь, такая история могла случиться и с людьми пожилыми, тогда бы рассказ назывался – «Старики»?

А в целом, Ира, мне очень радостно знать, что у вас здорово получается, и я чрезвычайно доволен нашим заочным знакомством. Надеюсь, что оно перейдёт, как говорят, в очное.

Ира, советую, и советую. Выйдет!.

Ну, вот и заканчиваю своё письмище.

Обычно я не могу разогнаться дальше первой половины страницы (в своих же материалах, наоборот, не могу своевременно остановиться), а сегодня просто удивляюсь себе...

Привет всем вам от всех нас, а Павлик шлёт особый привет своей маленькой сестрёнке.

ЮРИЙ

Р. S. Билет – один – мимо, другой – 10 руб.

При встрече выпьем пива...

Больше сочинительством я не занималась. Меня затянуло в воронку таких пожирателей времени, как: учёба в вечернем институте, работа и в семье и дома.

И вернулась я к этому роду деятельности только в 21-ом веке, когда кроме болезней и должности – бабушки, прабабушки и престарелой мамы и жены – ничего не осталось...

Часть 8 Размолвка

ВСПОМИНАЕТ ИРАИДА

Нельзя сказать, что наши отношения были всегда гладкими. Никто из нас не считал себя главным в семье, подчинялись обстоятельствам в разумных пределах, но уступать друг другу в мелочах не привыкли. Или не научились или не умели...

Напомню случай, повторивший ситуацию, которая произошла сразу же после свадьбы.

На следующий день после свадьбы, в комнате родителей все собрались за столом и играли в карты, в дурака. Было жарко. Виктор вошел в нашу конурку и повесил пиджак на спинку стула, на котором итак было много навешано. Стул опрокинулся. Виктор всплился, ругнулся по поводу того, что много повешано, я что-то ответила, он развернулся, ударил меня, и вернулся к играющим.

Я убежала из дома. Была ночь. Не знала куда пойти...

Сунула руку в карман плаща, рука нащупала ключ от комнаты Виктора в общежитии. Пошла туда, и легла на его постель.

Виктор с отцом долго искали меня, наконец, нашли. Виктор пристроился сзади меня на койке, прижался, просил прощения. Ну, конечно, я простила...

И вот ещё раз повторилось подобное.

Я теперь уже не помню из-за чего, но Виктор ударил меня, да ещё и при маме. Я в ответ запустила в него сковородку. Помню, в нашей маленькой коморке ему отступать было некуда, он попятился, и завалился на кровать. Я схватила табуретку и, замахнувшись ею, пошла на него.

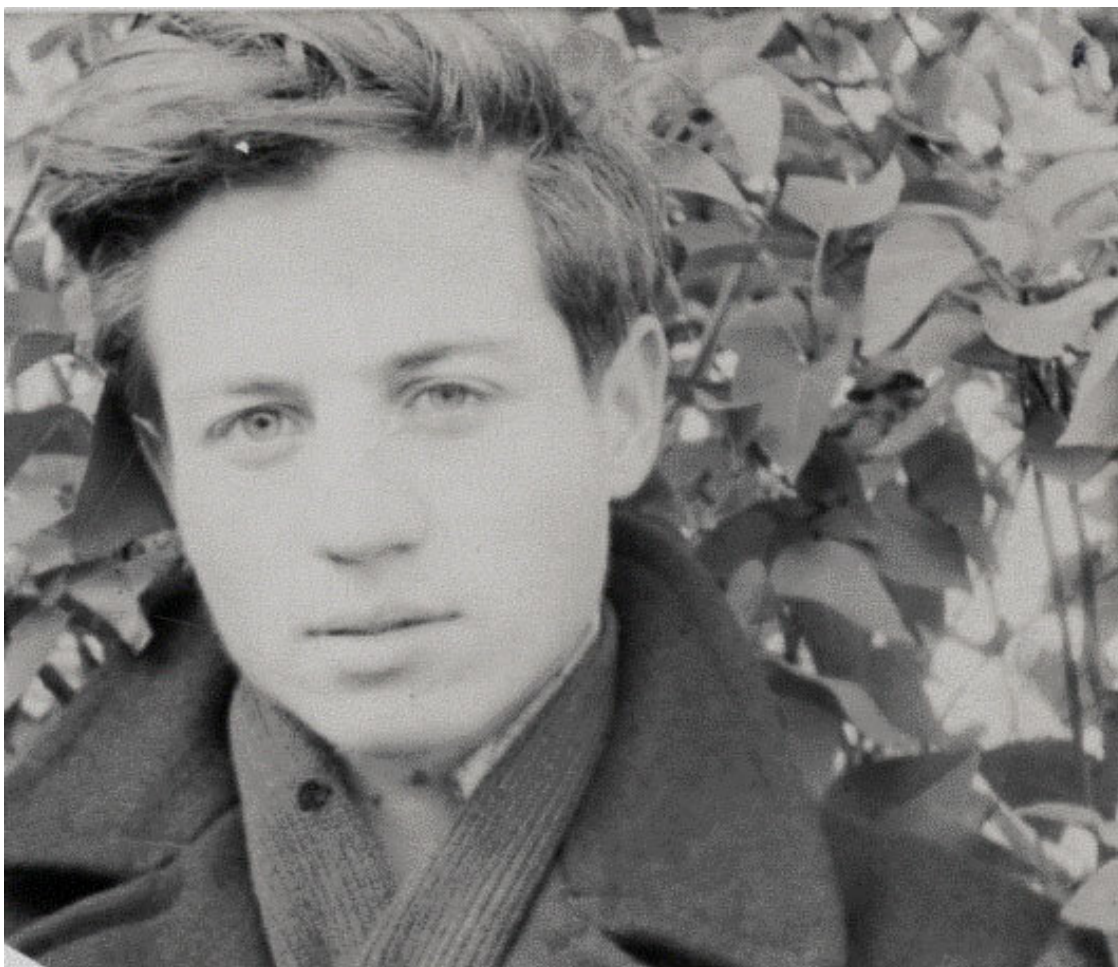
Если бы мама не встала между нами, и не обхватила меня руками, я бы, наверное, разбила табуретку об его голову. А, может быть, даже и убила бы...

(ДОБАВЛЯЕТ ВИКТОР: – Я, конечно, не помню этого случая, но раз Ира приводит его, то, может быть, такой случай имел место).

Интересно, но именно после того случая, на протяжении всей нашей последующей жизни, подобных происшествий больше никогда не случалось...

Были случаи, когда я выводила его из себя, конечно, не специально... Злой стоит, кулаки сожмёт... но – ни-ни!

Часть 9 Горе

На фотографии – мой брат – БОРИС. 1960 год.

Неожиданно наша хозяйка тётя Мотя предложила нам переехать в соседний угловой двухэтажный дом, который принадлежал её дочери. Нас это очень устраивало, так как мы с Виктором сразу же абонировали комнату на втором этаже. Туда мы привезли первую нашу крупную покупку – сервант и шкаф из чешского гарнитура. Комната была большая, уютная. И мы, приходя с работы, с удовольствием ныряли в своё гнездышко.

Однажды бабуся позвала меня и говорит, что её беспокоит настроение Бориса, моего брата. Он никуда не ходит. А мы с Виктором, уединяясь, мало с ним общаемся. Бабуся попросила, чтобы я больше уделяла ему внимания.

Помню, после этого разговора с бабусей, я действительно старалась сблизиться с ним. Всё-таки, то время, которое он провёл в Шатуре, а я в общежитии на ТЭЦ-22, разъединило нас не только километрами, но и интересами, и общими друзьями.

Я посмотрела на него какими-то «новыми» глазами, и увидела, что он вырос, возмужал, правда оставался худым. Досыта есть ему до воссоединения семьи, приходилось не всегда.

Теперь он начал зарабатывать. На свои деньги купил себе светлый плащ. Похвалился. Он действительно выглядел в нём импозантно. Борис стал вечерами, особенно, когда Виктор уезжал в командировки, подниматься в нашу комнату.

Приходила туда и Милочка. Мы сидели втроём, как в далёком детстве, и болтали. В минуты откровенности, Борис рассказал, что познакомился с девушкой. В следующий раз рассказал, что первый раз поцеловался с ней. В его жизни это был первый и единственный поцелуй.

22 июня 1960 года Борис трагически погиб, не до целовав, не до любив, не успев насладиться молодостью и жизнью. А нам надо было жить дальше за себя и за него, преодолевая боль утраты.

Сохранилось письмо Бате – отцу Виктора в Брест о том, что Боря погиб.

Письмо в Брест из Дзержинки.
Бате от Виктора и Иры.

6.07.60 г.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ПАПА И ЖЕНЕЧКА!

Письмо будет кратким, т. к. тяжело писать о случившемся.

Погиб Боря мученической смертью от ожогов и газа. Вынесли его уже мёртвым и обгоревшим. Похороны были торжественными. Пришли почти все от производства. Народу было много. Каждый пришел проводить его в последнюю дорогу.

ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

Оставаться в этом доме тяжело. Бабуся немножко взяла себя в руки. Мила два дня была на уколах. Потом три дня была у подружки в пионерлагере, а вчера проводили её на 24 дня в дом отдыха, на побережье Каспийского моря.

Витя в воскресенье прошлое уехал на неделю в Саратов, в командировку, на конференцию. Поправился. Я очень рада за него, что сможет развеяться. Уж очень тяжелая атмосфера дома. Приедет завтра, 3-го. Обещал папе и мне сразу же начать сдавать все анализы и серьёзно заняться своим здоровьем.

Я с 1-го в декретном отпуске. Но Вите купила талончиков на питание на весь месяц. В институте тем, кто работает на вредном производстве, выдают талоны на бесплатное питание. Те, кто ходят обедать домой, продают талоны желающим. Пусть обедает, не спеша, нормально, в столовой. А тот обед, что я буду готовить дома, будем есть в 6 часов вечером. Таким образом, у него в день будет два полных обеда. Ему надо поправляться. Думаю отсоветовать ему – в этом году поступать в аспирантуру. Сильное нервное и умственное напряжение до добра не доведёт. Напишите и Вы ему об этом.

В конце августа будет у нас лялька. Наши все ждут этого с нетерпением, чтобы забыться чем-то. Витя очень расстроился, т. к. мне предсказали девочку, а он хочет сына. Ну, что ж теперь поделаешь?

Валя с Сашей уезжали на свадьбу к сестре.

У нас с Витей было отложено (с трудом скоплено) 1500 р. Мы заняли 2500 и купили за 4000 две «мебели» – чехословацкая мебель, фанеровка тёмная, под орех, чудной зеркальной полировки: гардероб за 1400 и комбинированный сервант за 2600. Утром привезли, а без пятнадцати три с Борей случилось несчастье.

Насчёт квартиры дело обстоит так. У нас была вторая очередь, а первая очередь была у Макарова. Чтобы не удовлетворять сразу двоих,

центральная комиссия при распределении жилья сочла, что у Макарова нет острой необходимости в жилье, и лабораторию лишила в этот раз жилья вообще. А, если бы стояли мы первые, на лабораторию дали бы. А Дудко предложили 13 метров в «Красном доме» – общежитие – гостиница, без удобств, с сохранением очереди.

После гибели Боречки я была у Жукова, просила на всю семью, учитывая тяжёлое состояние. Он принял меры, и нам на следующий же день предложили на пятом этаже две смежные комнаты – всего 38 метров, со всеми удобствами, но в квартире двое соседей. Это дают на нас всех, с условием, что, если Дудко не согласится, может идти в «Красный дом», и ждать своей очереди.

Теперь вернёмся к этим двум комнатам в коммуналке, которые Жуков предложил занять нашей семье из 5-и человек плюс ожидаемый ребёнок у нас с Виктором.

Папа говорит, что не согласится, так как из-за этого потеряет обещанную ему квартиру в Люберцах, а там отдельная, а здесь на всю жизнь с соседями, и пятый этаж. Отказались.

В понедельник будет окончательное решение комиссии. Дадут ли нам что-нибудь, или ничего не дадут, и если дадут, то – что именно?

Женю присылайте. Правда, он попадёт, может быть, в стадию переезда, но это ему, может быть, даже интересно будет. Мы его встретим. Его приглашают все наши.

К нам из Каменца приезжала бабушка – мамина мама и Наташа, моя двоюродная сестра. Они опоздали на похороны. Наташа уехала в то же воскресенье, что и Витя, а бабушка уедет на днях.

Папа очень обиделся на Витину маму за то, что она, узнав об этом несчастье, даже не прислала сочувственную телеграмму.

Правда, они с Ритой приходили перед отъездом Наташи – к ней, хотели написать записку нам, но не успели. Ну, а потом, могли они хоть строчку написать. Ведь, уже прошло 10 дней. Вы, ведь, по телефону передали своё сочувствие, а они на словах.

И, вообще, Рите я не написала ни одного письма, и писать не собираюсь. Я с Наташей так и передала. Она за всё время прислала два – три письма И все письма такие резкие Вите, и в каждом письме читает нравоучения и мне и ему, что, как, мол, нам не стыдно за то, что не пригласили на свадьбу. И ещё, – чтобы мы не набрались нахальства, и обязательно не забыли бы поздравить его мать с днём рождения, и прислать хороший подарок, чтобы ей не было бы стыдно от людей.

Какое право она имеет упрекать меня в чём-нибудь, когда я с ними не знакома, и во всём всегда, что касается – их, соглашаюсь с Витей. Это его дело...

Я пишу это Вам, так как Вити нет, а он всегда читает мои письма. И он не разрешил бы мне посылать это письмо, так как он всегда заступает за них.

Они передали с Наташей, что почему, мол, когда Витя был недавно у них, я не передала с ним письменное поздравление от себя лично. Я спешила собрать Витю перед отъездом. Собирался он поспешно. Подарок он привёз от двоих, и поздравил от двоих, что же ещё? Витя обратно ехал в поезде голодный, но привёз мне в подарок – книжку и черешню.

А Витина мама не могла разве ради вежливости прислать какой-нибудь пустяк? Все спрашивают – ну, что тебе Ира, свекровь прислала, ведь, все знают, что Витя к ней ездил, а мне перед домашними и то было неудобно.

А к Вале приезжала Сашина мать, и привезла ей подарки. Вы не поймите меня неправильно. Ведь, мне ничего не нужно. У нас всё есть. Но как было бы приятно, если бы она прислала, ну, детский чепчик что ли, ну любой пустяк. Это внимание. А то от нас требует много, а в ответ Рита только упрекает во всём. А, ведь ей Витя 2000 рублей на свадьбу посылал, да ещё подарок хороший, а сам питался кое-как. Я-то знаю, как он питался. Ну, ладно, извините за всякую ерунду. Просто, настроение ужасное.

Я и скатилась до каких-то «бабьих» рассуждений.

От всех-всех большой-большой привет. Ждём Женю. Целуем.

ИРА.

В этом письме отцу Виктора не было рассказано о том, как погиб Борис... Всё-таки нужно это сделать...

Поездке Виктора в Саратов предшествовали очень тяжёлые события в нашей семье. Трагически погиб мой брат – Борис. Наше предприятие располагалось в самом посёлке – Держинском. А в лесу (действительно, в настоящем лесу) находился полигон и цеха. Там и работал Борис. Было ему всего 23 года, Он всего лишь один раз поцеловался с девушкой, о чём недавно рассказал мне по секрету...

Работал он техником. Его рабочее место находилось в одной из комнаток в подземном бункере. В небольшом помещении был установлен термостат, куда помещались образцы порохов. В его обязанности входило – устанавливать датчики на двигатель перед его испытанием, а потом – снимать показания с испытываемых образцов и т. п. ...

22-го июня Борис и другие ребята должны были сдавать что-то вроде экзамена, связанного с работой. Его напарник пошёл на улицу покурить, и, уходя, не до конца задвинул дверцу термостата. Борис не пошёл на улицу, решив ещё раз проштудировать вопросы перед экзаменом. Он сидел за столом спиной к термостату. И случилось страшное...

Разряд... и искра из термостата через приоткрытую дверку вырывается наружу. От высокой температуры, как от молнии, вспыхивает порох в бочонке, который стоял в углу комнаты (в нарушение всех правил техники безопасности). От взрывной волны наглухо захлопывается входная дверь, которая должна открываться наружу в коридор, а она закрывалась изнутри...

Нас всех потом успокаивали, что он не чувствовал, как горел.

Он задохнулся газами горящего пороха. Его нашли сидящим за столом, он успел лишь закрыть голову телогрейкой.

Из всех комнат бункера были сделаны люки, которые имели выход в основной коридор. Ребята из его отдела, не дожидаясь, когда всё потушат, через люк пробовали добраться до горячей комнаты. Вернулись первые двое ребят. У них ничего не получилось – большой жар и газы... И только третьему удалось вытащить Бориса. Но, тот был уже мёртв... Ребята, которые пытались его спасти, долго лежали в больнице. У них были обожжены горло, лица, а у последнего пострадали и лёгкие.

В этот день, я, ещё ничего не зная, возвращалась из Держинки домой. Когда завернула у пожарки на нашу улочку, удивилась тому, что на ней было много народа. Стояли группами, и чем ближе к дому, тем людей было больше. Вдоль заборчика собралась уже целая толпа. Когда я шла мимо стоявших, все замолкали. Я почувствовала, что происходит что-то неладное.

Но что? Подойдя ближе к калитке, я взглянула поверх неё и увидела, что на крыльце стоят обнявшись – мама, папа и Милочка. Рядом с ними – наши хозяйки – тётя Мотя и Феня. Казалось, они поддерживали руками родителей, будто бы они могли упасть.

Значит, действительно что-то случилось. С бабусей? Но её мало кто знал в Гремячем... Борис? Что с ним могло случиться? Да, значит – Борис!

Дальше всё происходило будто не со мной. Как будто я всё видела со стороны. Как в немом чёрно-белом фильме, в замедленном показе. Помню, в висках застучала мысль – "Надо что-то сделать. Все смотрят на меня. Ждут моей реакции..."

Кажется, в такие моменты люди падают в обморок. Но я – то не падаю... Но, значит, надо упасть?". Я остановилась у калитки. Слева и справа заборчик был укреплен валиком присыпанной земли, поросшей травой. Я пригнулась вправо, оперлась рукой на валик, и медленно стала сползать на землю.

Меня какие-то женщины сразу же подхватили под руки, и стали быстро говорить о том, что мне нельзя нервничать, чтобы не расстраивать ребёночка и, открыв калитку, повели меня к крыльцу. На крыльце, увидев меня, все зарыдали громче, и стали объяснять мне, что была авария. Боря в больнице. Но, видимо, надежд мало... Бабусе ничего не говорили. Велели мне идти к ней, и виду не показывать, что что-то случилось...

Бабуся лежала на своей кровати, молча, как будто на смертном ложе. Только руки её были не на груди, а были вытянуты вдоль тела. Я села рядом на стул, и стала говорить ей, что ещё ничего не известно. Что-то там не так пошло на работе. Он в больнице. Наверное, поправится... Она никак не реагировала на мои слова. Она знала. Её изношенное материнское сердце всё чувствовало и понимало без слов. Позже она скажет, что давно знала, что ЭТО произойдёт. Она не знала – как именно, и когда, но, то, что ЭТО случится, она знала всегда. Знала с тех пор, как родился наш Борька – её внук, с душой её покойного сына Бориса. Мистика который раз доказала, что – ОНА РЕАЛЬНО ЕСТЬ.

Сын бабуся – Борис умер 23 июня, 22 лет от роду. Умер от крупозного воспаления лёгких по вине лечащего профессора.

Дело было так...

Старший сын Борис бабуся вырос и поступил в институт в каком-то большом городе на Волге, кажется – в Саратове. Учился отлично. Окончил институт и возвращался домой, в Астрахань на пароходе. Был ветер, пасмурная холодная погода. Он вышел на палубу, переполненный радостными чувствами от предвкушения встречи с домом, с родными. Может быть, он вышел раздетый, но в такую погоду немудрено было простудиться...

По возвращению домой, он слег в постель. Диагноз – крупозное воспаление лёгких. Приглашались лучшие врачи Астрахани. Но никто не смог оказать должную помощь. Болезнь не поддавалась. Состояние ухудшалось. Тогда пригласили последнюю медицинскую знаменитость – профессора, который открыл свой, новый метод лечения лёгочных заболеваний. В то время ещё не были изобретены сульфомедизины и, тем более – пенициллины.

Изобретение профессора заключалось в следующем. Во время болезни организм борется с болезнью, пока не наступает кризис – пик болезни. И вот здесь – кто кого переборет: болезнь организм или наоборот. Если организм к этому моменту уже отдал все свои силы и бороться не в состоянии, человек скорее всего, умирает. Профессор изобрёл вакцину, которая приближала критический момент, т. е. ускоряла ход болезни, когда до её пика было ещё далеко. Но в этот момент сам организм ещё не утерял всех сил и продолжал бороться, в результате, побеждал. Человек оставался жить.

Профессор осмотрел Бориса и приказал своему ассистенту – ввести вакцину. Через какое-то время ассистент принес вакцину, но вводить её не стал. Он вернулся к профессору

и посмел высказать ему свое мнение: кризис уже начался, и вводить вакцину, тем самым – усиливать влияние болезни нельзя. Профессор озверел оттого, что ему посмели перечить и, оттого, что ещё кто-то имеет мнение, отличное – от его.

Он приказал ввести вакцину. Ассистент вернулся и ввел её...

Борис умер 23 июня в 22 года. Молодой, красивый... Его жизнь была принесена в жертву чужим амбициям...

Когда старший сын бабуся – Борис умер, невозможно было представить силу её горя, и понятно, почему рождение внуков вернуло её к жизни, взвалив заботу о них на её хрупкие плечи.

Когда родилась я – девочка, меня называли Ираидой в честь невесты Бориса. А когда вторым родился мальчик, по-моему, здесь даже не возникали ни у кого сомнения – его нарекли Борисом.

Надо отметить, что Борис – внук был удивительно похож внешне на Бориса – сына. Особенно – глаза. Недаром бабуся временами казалось, что глазами внука из другого мира на неё смотрит умерший сын.

Сын бабуси – Борис Внук бабуси, мой брат – Борис

Внук Мариамны, мой брат родился, как и её сын – 3-го мая, и его назвали в честь её сына – Борисом.

Сын бабуси умер 23 июня в возрасте 22-х лет.

Внук Борис погиб 22 июня в возрасте 23 лет (поменялись только числа). И причина гибели – совпадает. Сын Борис умер от крупозного воспаления лёгких после введения вакцины, провоцирующей кризис болезни, а у внука Бориса – лёгкие захлебнулись горячими газами, а потом сгорел и он сам...

Разница была лишь в том, что нашему Борису СУДЬБОЙ было отпущено прожить на год дольше...

22 июня погиб Борис, а через два месяца, 27-го августа я родила нашу Стэллу – звёздочку. Но мы её всегда звали – Ёлочкой.

Все говорили, что перед родами мне нельзя нервничать, и поэтому меня на похороны не взяли.

Мы жили в частном доме в Гремячем. Сначала мы снимали комнату в домике у тётки Фени. Но, после того как к нам приехала мама с Милочкой, нам всем в одной комнате было тесно. Поэтому мы перешли жить в дом напротив – к тётке Моте. Мы снимали весь (двухэтажный) дом, состоявший из одной большой комнаты, коридора и веранды.

Когда я вышла замуж за Виктора, мы обосновались в том же доме, где жили и родители мои с бабусей, Борисом и Милочкой. Мы обустроили для себя комнату с маленьким окошечком, выходящим на большую веранду. Стояла там наша кровать, стул, табуретка и маленький столик у окошка. Оставался «пятачок» свободного места, чтобы можно было развернуться к столу или к кровати. Вокруг кровати с трёх сторон по стене растянулся ковёр, который нам подарил Батя на свадьбу. И ещё у нас было красивое зелёное верблюжье одеяло. Мы были так рады этому крохотному нашему гнёздышку, где счастливо прожили почти восемь месяцев...

В день похорон гроб с Борисом привезли не в наш дом, а в дом тётки Фени, где мы жили раньше. Меня туда не водили, боялись, что я рожу раньше времени.

Я не помню точно того состояния, в котором находилась тогда. Помню только, что я всё время сидела рядом с кроватью, на которой лежала бабуся. Мне запретили плакать, чтобы бабуся не догадалась о случившемся. Сначала ей только сказали, что Борис пострадал, и находится в больнице.

Я сидела рядом с ней, и чего-то врала, о чём-то говорила. А сама всё время прислушивалась. Я знала, что должны привезти гроб, и почему-то думала, что в тот момент, когда привезут гроб, должны раздастся крики и причитания.

Но криков я не слышала. И это стрессовое ожидание во мне замерло внутри. Ещё долгие дни и ночи я всё ждала этот ужасный раздирающий душу крик...

Постепенно я бабусю подводила в разговоре о том, что случилось. В дом входили и выходили – и наши, и кто-то ещё.

В один из таких моментов, я сказала бабусе, что Борис не выжил. И она ответила – «Я знаю. Я давно знала, что такое случится». Она, конечно, имела в виду, что наш Борис повторил судьбу её покойного сына – тоже Бориса, в честь которого был назван мой брат.

Я долго не могла выйти из стрессового состояния. Мне всё казалось, что это неправда. И, что я в автобусе или ещё где-либо встречу Бориса... Но этого не случилось... И ещё я всё время ждала, что где-то что-то случится, продолжая жить в ожидании КРИКА. И это ожидание сводило меня с ума...

Хоронили Бориса всем поселком. Было огромное количество молодёжи. Процессия прошла от Гремячево по улице Бондарева, по улице Советской до поворота на кладбище, которое к тому времени было ещё не очень большим. Впереди шли девушки и бросали под ноги цветы и ветки, затем закрытый гроб, за ним – родственники, затем оркестр. Потом огромное количество людей, часть из которых стояла по обе стороны дороги, а часть, как на демонстрации шла потоком провожая Бориса в последний путь...

И вот, недели через две, сижу рядом с бабусей, и вдруг, слышу на улице пронзительный, душераздирающий крик. Я, несмотря на свой огромный живот, пулей выскочила из дома и добежала до дороги. Оказалось, что в доме рядом с нами, повесился молодой мужчина. Кричала его жена...

После этого что-то у меня внутри отпустило. Хотелось плакать. Но мне говорили – нельзя, т. к. это не понравится ребёночку.

Похоронили Боречку на старом маленьком кладбище, которое притаилось за стенами нашего предприятия, там, где начинается узкоколейка, и стоит вокзальный домик, построен-

ный колонистами. На могиле установили временный памятник, такой, какие ставят на могилах погибших солдат...

После похорон, во всех подразделениях института по указанию руководства, проводились собрания, на которых собравшимся объясняли «истинные» причины происшедшей трагедии. Такое же собрание проводилось и в отделе, где работали я и Виктор.

Я была рядом со всеми. И что я услышала? Что во всём случившемся виноват сам Борис. Якобы он сам нарушил правила техники безопасности и т. д. Помню, я разрыдалась, и выбежала из машинного зала, где собрали сотрудников. Саша Смирнов успокаивал меня, говорил, что я не так поняла, не дослушала...

А на самом деле – разве Борис виноват, что в маленькой комнатухе, в углу стоял бочонок, полный пороха? Разве Борис виноват, что дверь этой комнаты открывалась не наружу, а внутрь, и взрывом не вынесло её вперёд, а захлопнуло намертво?

Всегда, вспоминая смерть Бориса, у меня перед глазами встаёт картина, врезающаяся в мою память, хотя я этого воочию не видела.

Маленькая комнатка, как камера... Все ушли покурить перед сдачей экзамена на повышенный разряд. Борис остался один, чтобы последний раз пролистать инструкцию. Он сидел за столом, спиной к термостату, и не заметил, как последний уходивший наспех закрыл дверку термостата, не задвинув её до конца. В термостате – образец из кусочка пороха.

Секунда... В термостате блеснула искра.

Ещё секунда... Образец вспыхнул, и в комнату вырвалась как выстрел – миниатюрная молния – стрела. И как будто кто-то специально её нацелил в угол, на бочонок.

И третья секунда... Взрыв! Пламя и удушливый горячий газ заполнил моментально комнату. Я думаю, что Борис даже не пробовал кинуться к двери, чтобы рвануть её на себя. Поскольку он сидел за столом, всё, что он успел сделать – прижаться к крышке стола и накрыть голову телогрейкой. В таком положении его и нашли ребята, когда, наконец, через подземный люк, рискуя жизнью, им удалось добраться до Бориса. Он горел...

Гибель Бориса была в моей жизни первой потерей близкого человека. В глубине души ещё долго не верилось, что это могло произойти, что это уже произошло... Когда я ехала в автобусе, мне часто казалось, что вот, сейчас, на остановке откроется дверь, и Борька войдёт. И ещё. Однажды в автобус ввалилась компания с баянистом во главе. Сев на сидение, он продолжал играть, а его спутники – пели. И мне это показалось такой дикостью. Как могут играть, петь, веселиться? Как будто это всё было в каком-то другом мире... Или я была – в другом? И не могла оттуда вырваться, вернуться?...

А потом я родила. А плакать опять было нельзя, т. к. могло пропасть молоко. А потом оно пропало... И у меня начались истерики. Это было что-то ужасное. Куда бы я ни пошла, всегда возвращалась с рыданиями. Я уже была в декретном отпуске.

Пойду, например, в магазин. Займу очередь, отойду в кассу, вернусь, а мне говорят – «Вы здесь не стояли». И всё... Мне становилось так обидно. Я начинала плакать тихонько, а потом начиналась истерика. В нашем доме, (в котором нам потом дали комнату), с торца, размещалась медсанчасть. Меня там уже знали. Я вбежала к ним, вся в слезах, трясущаяся, и они мне давали капли и успокаивали. Длилось это долго.

Где-то весной 61-го года, я сидела и что-то писала, наклонив голову. Витя посмотрел, и спросил – «Что это у тебя? Лысина на голове». Я испугалась. Побежала к врачу – кожному. Он посмотрел на мою голову, взял в руки прядь моих волос и слегка дёрнул. Прядь осталась

у него в руках. Мне стало так себя жалко. И, конечно, я разрыдалась. Доктор говорит: – «Да, вам надо не ко мне на приём, а к невропатологу. Он как раз принимает в соседнем кабинете».

Доктор отвёл меня к нему. И, в результате я загремела в больницу, где пролежала больше месяца. Меня выписали, когда начали на голове расти новые волосы, да и немного зажили руки. У меня на нервной почве развился псориаз. В больнице лечение мне понравилось: кроме уколов витаминов, хвойно-жемчужные ванны и циркулярный душ.

Но это будет позже – в 1961 году. А тогда, в июне 60-го нам всем трудно было пережить случившееся. Нам вернули вещи и документы Бориса. В кармане его рубашки нашли обгоревшее заявление в институт. Он собирался поступать в химико-технологический институт имени Менделеева. В институте была кафедра порохов, и поэтому руководство предприятия объявляло набор на эту кафедру среди работников нашего института, с тем, чтобы подготовить новую молодую смену. Даже организовали сдачу некоторых вступительных экзаменов не в учебном институте, а в посёлке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.